

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2019, Vol 2, № 1(3)

Журнал Caucasian Science Bridge

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

**07.00.00 «Исторические науки и археология»,
22.00.00 «Социологические науки»,
23.00.00 «Политология».**

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

**22.00.00 “Sociological Sciences”,
23.00.00 “Politics”,**

07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University, FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge

Сдано в набор 12.03.2019. Подписано в печать 27.03.2019. Выход в свет 29.03.2019.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 4,62. Тираж 550 экз. Заказ № 48.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и локализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский научный центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Alexander Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Science Center of RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Венцель С.В., Тадевосян Н.А. Взаимоотношения России и Китая: вызовы, риски, сценарии развития и приоритеты в странах постсоветского пространства	10
---	----

РЕЛИГИИ И РЕГИОНЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Шедов Д.В. Мобилизация права прихожанами мечетей в регионах Центральной России	22
---	----

ЭТНОЛОГИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Манукян С.А. Влияние структурных компонентов национальной идентичности и самоидентификации на индикаторы рождаемости в Армении	28
---	----

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Мукомель В.И. Трудовые мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда	44
--	----

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Залибекова А.З. Национальные цели и стратегии образования в Дагестане	60
--	----

Информация для авторов	69
-------------------------------------	----

CONTENTS

GEOPOLITICS OF THE GREAT CAUCASUS

Ventsel S.V., Tadevosian N.A. Russia-China relationships: challenges, risks, development scenarios and priorities in the countries of the post-Soviet dimension	10
--	----

RELIGIONS AND REGIONS IN THE GREAT CAUCASUS

Shedov D.V. Mobilization of law by parishioners of mosques in Central Russian regions	22
--	----

ETHNOLOGY OF THE PEOPLE OF THE GREAT CAUCASUS

Manukyan S. A. The impact of structural components of national identity and self-identification on fertility indicators in Armenia	28
---	----

SOCIAL INSTITUTIONS IN THE REGION: PAST, PRESENT, FUTURE

Mukomel V.I. Labour migrants from the newly independent countries on the Russian labor market	44
--	----

DISCUSSION TRIBUNE

Zalibekova A.Z. National education goals and strategies in Dagestan	60
---	----

ГЕОПОЛИТИКА БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 316.74

Взаимоотношения России и Китая: вызовы, риски, сценарии развития и приоритеты в странах постсоветского пространства¹**С.В. Венцель, Н.А. Тадевосян**

Южный федеральный университет г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: Две соседствующие силы – Россия и Китай – играют важную роль в мировом обществе, и в особенности, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Индикатором нового уровня наших взаимоотношений стал Договор о Добрососедстве Дружбе и Сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Нынешняя ситуация соединила вместе эти два огромных по территории и количеству людей государства. Санкции против России толкнули страну повернуться лицом к Востоку и Китай считается главным партнером там. Но в то же время России не должна забывать о том, что Китай может легко повернуть свой вектор в сторону Запада. Но теперь США усилились в Тихом океане, а Япония так и осталась угрозой. До тех пор, пока все эти угрозы существуют для Китая, он будет сотрудничать с Россией. И, до тех пор, пока Китай получает экономическую выгоду и решает свои проблемы, он будет заинтересован в таких отношениях с Россией.

Ключевые слова: взаимоотношения России и Китая; стратегическое партнерство; один пояс один путь; Евразийское экономическое сотрудничество; Азиатско-Тихоокеанский регион; энергетические взаимоотношения; военное сотрудничество.

Для цитирования: Венцель С.В., Тадевосян Н.А. Взаимоотношения России и Китая: вызовы, риски, сценарии развития и приоритеты в странах постсоветского пространства // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2, № 1(3). С. 10–20.

Russia-China relationships: challenges, risks, development scenarios and priorities in the countries of the post-Soviet dimension**Sergey V. Ventsel, Narine A. Tadevosian***Sothern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: neighboring two powers - Russia and China - play an important role in the world community, and especially in the Asia-Pacific region. . An indicator of a new level of our relationships was the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation. The current situation brings together these two enormous in their area and quantity of people countries. Sanctions against Russia forced the country to make a turn to the East and China is considered as its main partner. At the same time Russia must not forget that China can also easy turn its vector to the West. But now the US has intensified in the Pacific, and Japan is a threat. As long as these threats exist for China, he will cooperate with Russia. As long as China gets a specific economic benefit and solves its problems, he is interested in this relationship with Russia.

Keywords: Russia-China relationships; strategic partnership; belt and road initiative; Eurasian Economic Union; Asia-Pacific dimension; energy relations; Military Cooperation.

For citation: Ventsel S.V., Tadevosian N.A. Russia-China relationships: challenges, risks, development scenarios and priorities in the countries of the post-Soviet dimension// Caucasian Science Bridge. 2019. Vol 2, № 1(3). P. 10–20.

---

¹ Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

Introduction

Neighboring two powers - Russia and China - play an important role in the world community, and especially in the Asia-Pacific region.

The bilateral relations between them have always occupied a significant place in the foreign policy of each country, because there are close ties between them not only geographically, but also in terms of geopolitics, geo-economics and cultural exchange, due to history.

A new level of bilateral relations began in 2000 with the coming of the new President of Russia Vladimir V. Putin. An indicator of this level was the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation.² The agreement was signed in Moscow in July 2001 for a period of 20 years with an automatic extension for another 5 years.

The Russians met the Chinese about 400 years ago. They met in the Far East. Their states were the largest neighbors in this region. For four centuries of relations between the Russians and the Chinese, there have never been large-scale wars. At the same time, the relationship is sometimes complicated and exacerbated.

In recent years, Russian-Chinese relations have developed beautifully. The peoples and leaders of our countries have a common opinion that relations are now experiencing the best period in the entire history of our relations. The current situation brings together these two enormous in their area and quantity of people countries, namely, there is a complementarity between the high energy demand from China and the availability of such resources from Russia. In addition, both countries have a mutual desire to reduce the impact of the US dollar on national economies and promote the internationalization of their national currencies.

It seems that all situations nowadays gather Russia and China together. Sanctions against Russia forced the country to make a turn to the East and China is considered as its main partner. A thriving developing country with a huge population, a member of the UN Security Council, can provide support if the interests of Russia are infringed. China is a member of the SCO and BRICS, which makes the prospect of a multipolar world real, and besides, China does not interfere in the internal politics of other states. As said A. Maslov, Director of the School of Oriental Studies: «Russian-Chinese relations will be pragmatic». And according to A. Ostrovsky, Director of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian-Chinese relations in the political sphere will not only develop, but also strengthen, and for their more successful implementation, it is necessary to develop economic relations.

But I think Russia must not forget that China can also easily turn its vector to the West. As long as China gets a specific economic benefit and solves its problems, he is interested in this relationship with Russia. Moreover, the US has intensified in the Pacific, and Japan is a threat. China is very concerned that Japan has abandoned the article of the constitution on the debarment of its own armed forces. As long as these threats exist for China, he will cooperate with Russia.

China-Russia Relations Before 2014

China and Russia have largely formulated their economic and political relations based on an evolving series of strategic partnerships. While there is no "model" strategic partnership, in the sense that the terms are negotiated individually with a partner state, both countries have incorporated certain core principles into each partnership.

In 1992, President Boris Yeltsin visited China. In 1993 the two countries signed a military agreement, followed in 1996 by their first strategic cooperation

---

² Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation, July 24, 2001

agreement, and by a number of other agreements: the 2001 Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation; the founding of the Shanghai Cooperation Organization; and the 2012 Strategic Partnership, further upgraded in 2014. Meanwhile, a close personal relationship has developed between Chinese President Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin.

Following two partnership agreements in 1994 and 1996 and a Treaty of Friendship and Cooperation in 2001, the 2012 comprehensive strategic partnership of cooperation (the 2012 Strategic Partnership), underlined the principles of mutual benefit, mutual trust, and equality in addition to setting specific economic targets in China-Russia bilateral relations.

Notably, although the 2012 Strategic Partnership, signed by President Hu Jintao, China's president at the time, and Russian President Vladimir Putin, was intended to provide the basis for implementation of relations over a ten-year period, it was prematurely superseded by the 2014 agreement calling for a new stage in the comprehensive strategic partnership of cooperation, the 2014 Strategic Partnership.

In this case, China's President Xi Jinping, was the co-signatory. The involvement of Xi, who came to power in 2013, a year after Putin's re-election as Russian president, has become a key driver in the intensification of bilateral relations.

The closer ties marked by this expanding and complex network of agreements and personal relationships have come to fruition, in particular, in the areas of arms sales, military technology transfers, and energy deals. Important progress was made also in the area of military relations where, despite the need to keep a credible level of deterrence, China and Russia have shown an unprecedented level of mutual trust, as confirmed by China's ambassador to Russia, Li Hu, and by the

growing number of joint military exercises between the two countries.

But what really epitomizes the increasing trust the two countries have toward each other was the signing of an agreement for the integration of the Eurasian Economic Union (EEU), Putin's pet project, and the China-led Belt and Road Initiative (BRI). If successful, the BRI-EEU in Central Asia will mark one more step toward the consolidation of Sino-Russian relations, with important implications for both Asia and the West (*Enrico Cau, 2016*).

After the Ukraine Crisis

The 2014 Strategic Partnership, ratified shortly after Russia's annexation of Crimea, amid the launch of U.S. and EU sanctions against Russia, is widely regarded as the most enhanced in terms of depth and breadth of economic, political, and security relations of any one of China's or Russia's network of strategic partnerships.

Some of the much-publicized and high-profile deals emerging from the 2014 Strategic Partnership included a 40-year gas supply agreement between Gazprom and China National Petroleum Corporation (CNPC). The landmark gas supply deal, including plans to build the "Power of Siberia" gas pipeline, was indirectly referred to in the 2014 Strategic Partnership as a measure aiming to "strengthen the Sino-Russian energy partnership."

A further deal with Russia's largest oil company, state-owned Rosneft, involving financing deals with CNPC to supply oil worth up to \$500 billion from Russia's largest oil field, was also established shortly after, prospectively enabling Russia to surpass Saudi Arabia as China's main supplier of oil.

Also in 2014, the People's Bank of China (PBOC) and the Central Bank of Russia signed an arrangement for a currency swap worth 150 billion yuan and 815 billion rubles (\$24 billion at the time). The first such Chinese currency swap to be announced for any country outside of

Asia, the deal was meant to facilitate settlement in national currencies and boost bilateral trade.

Since 2014, and particularly in 2015, Russia has become one of the five largest recipients of Chinese outbound direct investment in relation to the Chinese government's Belt and Road Initiative (BRI) connecting Asia with Europe. Meanwhile, China was Russia's largest bilateral trade partner, in 2015; in spite of declining overall bilateral trade in U.S. dollar terms (mainly due to sharp declines in the ruble as well as the yuan), relative to 2014, trade flows continued to expand in terms of volume.

In this context, it was significant that Russia's exports of mechanical and technical products to China rose by about 45 percent over the course of 2015 possibly signifying an important trend in the diversification and competitiveness of Russia's non-energy sector in terms of bilateral trade prospects with China.

Importantly, the economic relationship between China and Russia has been driven by a variety of bilateral inter-governmental commissions, including 26 subcommissions. According to Putin, in spite of often slow progress in reaching agreements, both sides invariably maintain a common goal of cooperation to eventually find a solution on a wide range of complex issues.

China after the collapse of the Soviet Union

One of such regions of "special attention" of China is Central Asia. The neighboring countries of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan) have a number of problems inherited from the USSR (geopolitical, territorial, ideological, the problem of ethnic and religious minorities) in relations with China. It would be a simplification to say that these controversial moments arose only in the Soviet era. However, the collapse of the Soviet Union actualized them. The appearance on Chinese borders of new subjects of interna-

tional relations made Beijing re-formulate the agenda of its foreign policy. In the opinion of the Russian authors A. Voskresensky and S. Luzyanin, despite the fact that all official documents of the Chinese government at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries showed an equal and friendly attitude to all new Central Asian states, the trend towards a certain differentiation of relations with the states of Central Asia: "priority states" appeared, which were given primary importance in terms of developing political and economic ties related with China's common According to the general and general problems of maintaining mutual national security, Kazakhstan, Tajikistan and Kyrgyzstan, and the republics of the "second echelon," with whom the necessary level of official contacts was maintained (*Воскресенский А., 2004. С. 387 – 401*). As V. Borovoy notes after the collapse of the Soviet Union, the problem of Uygur separatism has become much more acute, since conditions have arisen for relatively free cross-border contacts in the region. On the other hand, with the collapse of the USSR and the independence of Central Asian states, China has again had the opportunity to return to the region as one of the active players. The rapid economic development of China, combined with the desire to declare oneself as one of the poles of the modern world, became a prerequisite for the revival of Chinese influence in Central Asia (*Боровой, 2004. С. 57-60*). It seems appropriate to single out the period from 2002 to 2005. At this time, China began to gradually shift its focus from short-term strategic objectives to long-term goals, in particular, to the intensive expansion of trade and economic cooperation and penetration into key sectors of the region's economies. The economic interaction between China and Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan (especially after the opening of the Sino-Tajik border post in 2004) increased significantly, and there was also an increase in the investment activity of Chinese state-

owned companies in the oil and gas sector of Kazakhstan. According to Kazakhstan researcher K. Syroezhkin, for 1993-1998. China's total foreign direct investment in Kazakhstan was only 411.7 million dollars. USA, in 2004 it reached 393.5 million, and in 2005 - 1.2 billion dollars. Thus, on the basis of the analysis performed, three stages in the evolution of relations between China and the neighboring countries of Central Asia can be distinguished: 1992–2001. - search for solutions to border issues and problems of mutual national security, the designation of the economic interests of Beijing; 2002—2005 - activization of Beijing in connection with the American military presence in Central Asia, as well as the build-up of the Chinese economic presence in the region; 2005—2009 - entry into the major sectors of the national economies of neighboring countries and the energy “linking” of the region to the economy of the PRC.

It seems likely that in the future, the main priorities for China will remain the development of hydrocarbon and other raw materials, the formation of an appropriate transport infrastructure to ensure exports of industrial raw materials to China, as well as an increase in imports of industrial goods and services to the countries in question. (*Турарбекова Роза, Татьяна Шибко, 2010*) Such a strategy is necessary in the context of both increasing economic growth and ensuring security. China will continue to invest in the economies of Kyrgyzstan and Tajikistan, however, it is hardly possible to speak about the dynamic development of relations between China and Kyrgyzstan, China and Tajikistan in the near future. As large projects are implemented, the significance of the countries in question, especially Kazakhstan, will increase for China. But overall, in the near future, a certain status quo will most likely remain in bilateral relations between China and the countries in question, and in the foreseeable future, Central Asia will occupy an “honorable second” place compared to

East Asia in the hierarchy of priorities of the PRC regional policy.

Integrating of High-Level Political Interests

Since the 2014 Strategic Partnership, amid a strengthening of personal ties in the Putin-Xi relationship, there has been an extensive broadening of bilateral relations beyond merely focusing on economic interests. This has centered on mutual support concerning each country's “core interests,” including “strengthening close coordination in foreign policy.” They have also jointly advocated for reform of the international financial and economic architecture to accord with the rapidly-changing global real economy.

The relationship between China and Russia has, therefore, evolved into intensified cooperation in political areas in the last couple of years. Chief among those developments was the announcement on May 8, 2015 in Moscow, on the occasion of the annual parade commemorating the end of World War II, of the planned integration of the Chinese-led BRI with Russia's Eurasian Economic Union (EEU).

The BRI comprises the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road, with the objective of developing a trade and infrastructure network connecting Asia with Europe and Africa along the ancient Silk Road routes. The EEU groups Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Russia in an inward-focused trading network.

Beijing's policy of integrating the BRI, its flagship international development program, with Moscow's EEU stood in sharp contrast to the European Union's Eastern Partnership program with former Soviet states. The latter program required these countries to sign up to EU economic and political associations and to relinquish their trade agreements and political affiliations with Russia.

When Xi announced the launch of the Belt and Road Initiative (BRI) in 2013,

both Russia and the West were caught off guard. In particular, a sanction-stricken Russia seemed to have good reason to worry that the BRI could further weaken its position in Central Asia, Russia's backyard. Various assessments have pointed in the same pessimistic direction, especially in the light of the fact that the two initiatives appear to differ remarkably in terms of institutional setup and strategic goals. The two initiatives are indeed very different. The BRI is a global open trade-focused project, embodying the essence of the Chinese "going out" strategy and a herald of globalized trade and multipolarism with Chinese characteristics. The EEU instead is an "inward-looking" trade integration project devised to allow Russia to keep hold of its Central Asian neighbors, and contain the expansion of the EU or the United States in those regions. Despite the pessimistic outlook, the relationship between China and Russia has, nonetheless continued to thrive, and so have their plans to create an area of co-prosperity under Sino-Russian control in Central Asia.

Further evidence of the growing high-level political relations between China and Russia was manifested in the international financial markets under the co-arrangement of up to 6 billion yuan in "Baikalbonds" (a yuan-denominated Russian government bond issued in Russia). The co-arrangers were China's ICBC and state-owned Gazprombank — Russia's third-largest bank, which has been under U.S. sanctions since July 2014. This issuance of offshore yuan foreign sovereign bonds was the largest ever undertaken, exceeding the U.K. government's earlier 3 billion yuan sovereign bond issue.

Both Putin and Xi reiterated the significance of their growing bilateral political relations at the BRICS development summit in Goa, India, in October 2015, where they noted that China and Russia should strengthen coordination and cooperation within global and regional multilateral institutions.

Benefits from the start

The nature of the Sino-Russian entente appears to rest on a high level of complementarity, reciprocity, shared interests, and common threats. In this relationship, China and its BRI play the role of the global enabler, with China advancing its model while also providing a much-needed lifeline for Russian economy and the EEU. The role of Russia, instead, is seemingly shaping to be that of a regional stability provider, to the mutual benefit of both countries.

For China, Russian support in Central Asia offers multiple advantages. First, Russian influence and knowledge of regional dynamics can translate into a substantial mitigation of risks and the removal of several obstacles for BRI projects, reducing costs and maximizing benefits. China would also enjoy direct access to Central Asia, providing a unique opportunity to develop new markets, manufacturing centers, and even new cities along the path of the Silk Road Economic Belt (SREB). Second, Russian acceptance of Chinese intervention in Central Asia will allow the Middle Kingdom to play a direct role in the securitization and regime formation of the region, especially with regards to counter-insurgency initiatives aimed at preventing Uyghur from establishing safe havens in the region. Finally, this model of relationship has the potential to lay the foundations for the establishment of a core geopolitical space under exclusive Sino-Russian control in Eurasia, beyond the reach of EU and American influence, in a region strategically positioned between the developing markets of South, East, and Southeast Asia and the wealthy European markets.

What's in it for Russia? The sanctions imposed on Russia by the United States and the European Union as a consequence of its annexation of Crimea, and the ongoing actions against Ukraine, combined with a downturn of oil prices, have caused enormous damages to Russian trade and to its relations with Europe and

the United States. The resulting downward spiral is pushing Russia down the path of a political-economic isolation. This has forced Russia to shift away from the West and find alternative markets in other regions of the world, to bypass the sanctions and find new outlets for the Russian economy.

For these reasons, Russia has started to look at the Asia-Pacific as a viable way to expand its markets and those of the EEU. In this perspective, integration with the BRI can offer the EEU a privileged trade channel to the markets of Asia-Pacific, providing Russia with a unique opportunity to boost its “going east” strategy. Helped by a relative decline of the United States, whose vacuum is being filled by growing Chinese influence in the region, Russia’s shift toward the Asia-Pacific has resulted in a row of successful deals. That includes the signing of several important trade agreements with the Philippines and Indonesia; an important free trade agreement between the EEU and Vietnam; as well as closer trade relations with South Korea, one of the countries that has refused to enforce sanctions against Russia, a decision that has provided a boost to South Korean-Russian trade relations.

The Russian expansion in the Asia-Pacific has occurred with the friendly support of China. This mutual interpenetration in the two countries’ areas of geopolitical influence, on a seemingly equal basis, seems to point at a relationship marked by symmetry, complementarity, and reciprocity.

In the structure of the Russian-Chinese trade there is a serious imbalance. Russian exports are 80% represented by mineral raw materials. Chinese exports to Russia represent ready products with a high degree of elaboration. It becomes obvious that China is not accidentally buying up natal places of oil and gas, ores of non-ferrous metals, and looks at Russia as the potential supplier, mainly hydrocarbons of the Far Eastern and Sibe-

rian birth places. Russia considers the long-term practice of supplying raw materials beyond the limits as a reliable source of financial resources both to the state budget and to the accounts of mining companies, therefore China is a promising market for hydrocarbon supplies for Russia. Also, China is the main source of financing for Russian enterprises and the first country to purchase C-400.

Intensification of Bilateral Cooperation in Multilateral Institutions

At the Hangzhou G20 Summit, held in September 2016, the China-Russia dialogue was accorded a high-level agenda by both leaders. The dialogue focused, especially, on principles such as the “rule of law” in promoting tax and legal concepts for enhancing investments, investment protection, privatization, and the provision of state guarantees on finance for projects. There was also dialogue on how to bridge each side’s differing interpretations of legislative concepts, such as public-private partnerships and concession agreements (*Shannon Tiezz, .2018*).

At the level of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), Putin and Xi’s proposals for integrating China’s BRI with the Russian-led EEU played a key role in significantly elevating the status of the SCO. Although the SCO is a separate institution to the BRI and EEU, it is increasingly viewed by governments across the world as an organization reflecting the political and economic ascendancy of the Eurasian region.

At the recent November 2016 summit of SCO prime ministers, in Bishkek, Kyrgyzstan, China’s Prime Minister Li Keqiang proposed a free trade area among SCO members. The proposal was supported by Putin, who stated that the long-term economic interests of China and Russia should outweigh national protectionist sentiments to protect local producers.

The Russia-India-China (RIC) trilateral grouping is considered by its participants as an important arrangement in

securing political stability, both globally and in the region. India and Russia's relations have remained strong for several decades, with Russia being India's largest defense and nuclear energy partner. However, while China's and Russia's relations have clearly improved in the last few years, the China-India relationship has somewhat lagged the development of the other two legs of the triangle. Consequently, Russia has played a role in bringing both sides closer together through its interactions in the RIC grouping. (Huasheng Zhao, 2006)

At the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) forum held recently on November 2016, in Peru, Putin and Xi further reiterated their close cooperation and ongoing communication on policy matters with an international dimension. They agreed to promote the APEC bloc by fostering regional and economic growth strategies. This included their support for an Asia-Pacific free trade area for all 21 member states. Their joint support for regional free trade came on the heels of U.S. President-elect Donald Trump seeming to back away from the Trans-Pacific Partnership free trade agreement – an exclusive U.S.-led trade bloc including 12 states on both sides of the Pacific Ocean.

At the summit, Putin and Xi also affirmed their common interest in upholding security and stability in Central and Northeast Asia, as well as regions neighboring their countries' borders.

Energy Relations

In 2001, the total energy supply from Russia to China amounted to \$ 0.5 billion, in 2007 this volume exceeded \$ 6.7 billion. «Given the overly personalistic nature of Russia's policymaking community, institutional gaps in knowledge pose serious risks. Supply deals worth hundreds of millions of barrels of oil. State oil giant Rosneft has emerged as the country's de facto leader for much of its China policy because of its importance in delivering the Kremlin necessary budget revenues. But

Rosneft and its CEO Igor Sechin's policy influence hit a big snag recently with news about CEFC China Energy, a key partner, and a shift in China's institutional landscape» (Nicholas Trickett, 2018).

Intensifying Cultural Exchanges

An important element of China-Russia relations, beyond the political and economic dimensions, has been the countries' promotion of sociocultural integration at various levels of society. In this regard, toward the end of the APEC summit, Putin and Xi stated their interest in holding a 2017 China-Russia Media Exchange Year, wherein the media has become the most direct channel for communication between the two sides. Additionally, the two leaders stated their support for other cultural and people-to-people exchanges in the coming year.

The important role which the media increasingly plays in cultural matters was highlighted by recent headline reports about the gift of Russian ice cream by Putin to Xi, who declared it to be his favorite Russian dessert. The purpose of the media coverage was not only to portray an ever-closer personal relationship between the two leaders, but also to convey the idea of a growing friendship, built on a greater understanding of mutual cultural awareness, between Chinese and Russian peoples. Consequently, Xi's interest in Russian ice cream has reportedly spawned a craze of interest for the dessert across China.

In early 2016, Putin and Xi urged that both countries' legislative bodies enhance exchanges and mutual learning so as to further elevate China-Russia ties. Accordingly, Russia's Federation Council and Russia's State Duma, the upper and lower houses of the Russian parliament, respectively, and China's National People's Congress agreed to strengthen their cooperation on legislative initiatives and supervision to enhance coordination on regional, municipal and industrial development policies and plans.

Moreover, two brilliant events have shown the level of our interaction - the Year of Russia in China and the Year of China in Russia. Both of these years - and they included about 500 events - demonstrated both friendship and special kindheartedness that connect the Russian and Chinese people, were marked by very interesting programs and simply introduced the Russians to the life of China and Chinese to the life of Russia. (*Bob Savic.2016*)

Joint Military and Security Cooperation

A major feature of China's and Russia's defense and geostrategic interests has been rising levels of official support for each other's security, increasingly pitched as common defense concerns. The most prominent recent affirmation of this position came in the form of China's and Russia's stated opposition to the deployment of the U.S. Terminal High Altitude Air Defense (THAAD) missile defense system in South Korea, a decision made in mid-2016. Both governments have warned that THAAD risks igniting an arms race in the Asia-Pacific that could potentially destabilize the region.

In this vein, China and Russia have been accelerating their joint military drills including holding their first joint naval drills conducted in the South China Sea this year. According to senior officers at China's Central Military Commission and Russia's Defense Ministry, since both sides are faced with a more complex international security environment, closer mutual cooperation has been widely considered a necessity.

The Russian government has also voiced its support for the Chinese government's position in the South China Sea, backing Beijing's call opposing interference by powers outside the region. In turn, China has increasingly provided verbal support intimating its sympathy with Russia's annexation of Crimea (mainly attributing the move to Crimea's historical links as part of Russia), in addition to

backing Russia's intervention in Syria, while calling for a political settlement to the war.

Russia's Vostok 2018 exercise officially commenced on September 11 and concludes September 17. One of Russia's major military maneuvers held every four years, this year's Vostok is of special significance because Russia has not held an exercise of this scale since 1981 — reportedly, some 297,000 personnel, 36,000 pieces of ground force equipment, 1,000 fixed and rotary-wing aircraft, in addition to 80 ships and support vessels are in participation. Although this number is likely inflated, it is quite obvious that Moscow is sending a message to Russia's opponents and friends alike that the Russian military stands ready in defense of its Far East territories.

Vostok 2018 takes place during a time of deteriorating relations between Russia and the West. However, Russia's Zapad 2017 exercise in its western defense sector only involved a total of 12,700 Russian and Belarusian troops, an insignificant number when compared to Vostok 2018.

Longer Term Headwinds

Possibly the most serious undermining of the China-Russia relationship could come from its very success. As both countries integrate more quickly and as migration flows expand, there is likely to be mounting concern in Russia of a "Chinese takeover" of the sparsely-populated Russian Far East and other regions of Siberia.

Should this pose China's and Russia's greatest challenge going forward – in light of the popularity of Russia's opposition nationalist party in the Far East and Siberian regions during the 2016 Duma elections – then both sides will need to need to consider jointly upgrading the regulation and monitoring of migration flows. Detailed satellite mapping of the two countries' common border, in addition to having resolved all outstanding

border disputes in 2005, should facilitate the necessary cooperation in managing migration across Russia's politically-sensitive regions.

Conclusion

The United States' readjustment of its global strategy is pushing China and Russia closer together. Yes, there are chasms and distrust between a militarily powerful yet economically weak Russia and an economically sound China with an increasingly able military. While Russia is cautious of growing Chinese influence in its "backyard" — i.e. Central Asia and the Middle East — Beijing is dissatisfied with continued Russian arms sales to China's rivals such as India and Vietnam. (As a matter of fact, a weapons deal between Russia and Vietnam totaling \$1 billion was inked days before Vostok 2018's commencement.) Yet political necessity and common interests are bringing the two capitals and their respective militaries closer to present a united posture towards the United States, while each has an interest in showing the other its full capability in defending their own sovereignty.

In sum, certain analysts and media outlets' exaggeration of Vostok 2018 as the start of a new Sino-Russian military alliance suits the interest of Beijing and Moscow perfectly in projecting a strong

and unified image despite the existence of mutual suspicion (*Zi Yang, 2018*).

Driven by strengthening personal ties between Putin and Xi, the breadth and depth of China-Russia relations have spilled over into multiple spheres of governmental and institutional policymaking. This has included both countries' central governments, as well as regional and municipal governments, in addition to the increasing role played by state and private companies and various sectors of civil society.

As a result, the speed and scale of the relationship may be more aptly described as "revolutionary" rather than evolutionary. Clearly, external factors such as the Ukraine crisis were pivotal in turning the Russian leadership away from its post-Soviet relations with western Europe. The degree to which the Russian public were going to back their government's shift from West to East, however, was more questionable. Nevertheless, Chinese and Russian state-led activism in supporting this process has, thus far, brought some degree of success.

"Both sides become comprehensive strategic partners of coordination, which is not an act of expediency but each other's deliberate decision"

References

1. Borovoy, V. (2004) 11 sentyabrya i politika Kitaya v TSentral'noy Azii: novyye priority i aktsenty.[September 11 and China 's Policy in Central Asia: New Priorities and Emphasis] Belorus. zhurn. mezhdunar. prava i mezhdunar. otnosheniy [Belarusian Journal of International Law and International Relations] 4, 57—60. (in Russian).
2. Voskresenskiy, A.D. (2004) Kitayskiy i rossiyskiy faktory v TSentral'noy Azii: traditsionnyye vyzovy i novyye vozmozhnosti .ucheb. posobiye.[Chinese and Russian factors in Central Asia: traditional challenges and new opportunities] In A. D. Voskresenskogo.(Eds.) Moscow: MGU; Ros. polit. entsikl.
3. Turarbekova Roza, Tat'yana SHibko. *Politika Kitaya v otnoshenii sosednikh stran TSentral'noy Azii*. [China 's policy towards the neighbouring countries of Central Asia] Available at: http://www.perspektivy.info/book/politika_kitaja

[_v_otnoshenii_sosednih_stran_centralnoj_azii_2010-10-21.htm](#)

4. Bob Savic. Behind China and Russia's «Special Relationship». Available at: <https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/>
5. Enrico Cau. The Geopolitics of the Beijing-Moscow Consensus. Available at: <https://thediplomat.com/2018/01/the-geopolitics-of-the-beijing-moscow-consensus/>
6. Huasheng Zhao. The Shanghai Cooperation Organisation at 5: Achievements and Challenges Ahead. [China and Eurasia Forum Quarterly],4, 117-118.
7. Nicholas Trickett. Russia's Unhappy Energy Marriage with China. Available at: <https://thediplomat.com/2018/03/russias-unhappy-energy-marriage-with-china/>
8. Shannon Tiezzi. China, Russia 'Show Americans' Their Close Relationship. Available at:

<https://thediplomat.com/2018/04/china-russia-show-americans-their-close-relationship/>

9. Zi Yang. Vostok 2018: Russia and China's Diverging Common Interests. Available at:

<https://thediplomat.com/2018/09/vostok-2018-russia-and-chinas-diverging-common-interests/>

Поступила в редакцию 14 января 2019 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Венцель Сергей Владимирович

младший научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru

Sergey V. Ventsel

Associate Fellow, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru

Тадевосян Нарине Араиковна

студент-бакалавр Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

Narine A. Tadevosian

Bachelor Student, Institute of Philosophy and Socio-Political Science, Southern Federal University

РЕЛИГИИ И РЕГИОНЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 316.74

Мобилизация права прихожанам мечетей в регионах Центральной России**Д. В. Шедов**

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", г. Москва, Россия

Аннотация: В настоящей статье рассматривается особенность мобилизации права прихожанами мечетей в городах Центральной России, где мусульманское население является меньшинством и плотно включено в межкультурную и межрелигиозную коммуникацию. Понятием мобилизации права в социальной науке описывают ситуации, когда люди приводят в действие правовые нормы, в качестве одной из форм социального контроля. При этом мобилизация права понимается автором как один из элементов правовой культуры того или иного общества.

Автор статьи фокусирует внимание на «идеологических» и «организационных» факторах, влияющих на мобилизацию права прихожанами мечетей. К первым отнесены представления прихожан мечети о должном, ко вторым – участие мечети в решении организационных вопросов, например, связанных с правой консультацией и правовом просвещении прихожан. В качестве иллюстрации представленных тезисов описываются ситуации, связанные, например, с нежеланием прихожан мечетей обращаться в полицию в случае столкновения с мошенничеством при организации паломничества в Мекку, с участием мечетей в организации правовой помощи для своих прихожан, а также с медиативными установками на решение конфликтных ситуаций. Автор подчеркивает, что настоящая статья является промежуточным результатом анализа эмпирических данных и исследования темы.

Статья основывается на эмпирических данных исследовательского проекта по изучению правовой культуры прихожан мечетей в регионах Центральной России, реализованного при поддержке программы студенческих экспедиций «Открываем Россию заново» Фонда образовательных инноваций и Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». С сентября 2018 года по июнь 2019 года участники проекта провели три полевые экспедиции в Ярославскую, Костромскую и Ивановскую области, в ходе которых наблюдали в мечетях, молельных домах, халяльных заведениях и предприятиях, а также беседовали и интервьюировали прихожан и сотрудников мечетей.

Ключевые слова: Мобилизация права, право, ислам, правовая культура, религиозные нормы.

Для цитирования: Шедов Д. В. Мобилизация права прихожанам мечетей // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2, № 1(3). С. 22–26.

Mobilization of law by parishioners of mosques in Central Russian regions**Denis V. Shedov**

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract: This article discusses the peculiarity of the mobilization of law by parishioners of mosques in the cities of Central Russia, where the Muslim population is a minority and is tightly included in intercultural and interreligious communication. The concept of the mobilization of law in social science describes situations when people enforce legal norms as a form of social control. At the same time, the author understands the mobilization of law as one of the elements of the legal culture of a society.

The author of the article focuses on "ideological" and "organizational" factors affecting the mobilization of law by parishioners of mosques. The former includes the ideas of the parishioners of the mosque about their due, the second - the participation of the mosque in solving organizational issues, for example, related to the right consultation and legal informing of parishioners. As an illustration of the topic, situations are described, for example, when mosque parishioners are reluctant to contact the police in the situations of a fraud during the organization of a pilgrimage to Mecca; with the participation of mosques in organizing legal assistance for their parishioners, as well as mediation settings for resolving conflict situations. The author emphasizes that this article is an intermediate result of the analysis of empirical data and the research of the topic.

The article is based on empirical data from a research project on the study of the legal culture of parishioners of mosques in the regions of Central Russia, implemented with the support of Students' Field Research/ Expeditions "Rediscovering Russia" by the Found for Educational Innovations and the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics". From September 2018 to June 2019, the project participants conducted three field expeditions to the Yaroslavl, Kostroma and Ivanovo regions, during which they observed in mosques, prayer houses, halal places and enterprises, as well as talked and interviewed parishioners and mosque employees.

Keywords: mobilization of law, law, Islam, legal culture, religious norms.

For citation: Shedov D. V. Mobilization of law by parishioners of mosques in Central Russian regions // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol 2, № 1(3). P. 22–26.

Введение

Нормы официального права не существуют в социальном вакууме. Установленные государством правила воспринимаются и приводятся в исполнения людьми, у которых есть свои представления о том, как должен быть организован социальный порядок. Эти представления формируются под влиянием различных факторов, в том числе под действием сети разнообразных нормативных регуляторов: морали, этикета, религии и так далее. В каждой конкретной ситуации повседневной жизни у человека есть спектр разнообразных возможностей. Например, для оформления семейных отношений можно обратиться в органы ЗАГС, или совершить религиозный обряд бракосочетания в мечети (никах), либо совершить никах и зарегистрировать отношения в органах ЗАГС (при этом последовательность этих действий может быть различной и зависеть от уникальных обстоятельств и представлений людей о должном).

Ситуации, когда человек своими действиями и решениями реализует предписания тех или иных норм, называют их мобилизацией. В исследовательском сообществе для описания использования правовых норм устоялся термин мобилизации права. Мобилизация права имеет степень и может измеряться практически количественно. В приведенном выше примере с оформлением семейных отношений, степень мобилизации права будет выше при обращении в органы ЗАГС, и минимальной при заключении только никаха. Как мы уже отмечали, на конкретное решение влияет множество факторов. Изучение этих факторов, выявление устойчивых сочетаний и эффектов и занимает исследователей мобилизации права.

Основная часть

Американский социолог Дэвид Блэк автор термина “мобилизация

права”, рассматривавший правовые нормы как одну из форм социального контроля, предложил масштабную теорию “социальной геометрии”, подкрепив ее результатами многочисленных наблюдений (Black, 2014. С. 2). Так, согласно теории Блэка, степень мобилизации права будет выше в тех ситуациях, когда менее задействованы иные формы социального контроля. Например, вероятность столкновения с полицейским контролем выше для ребенка, за которым практически не осуществляется семейный контроль. Также вероятность задействования правовых механизмов разрешения конфликтных ситуаций выше тогда, когда в конфликт вовлечены люди из различных социальных групп. То есть, соседи скорее решат проблему с громким шумом в ночное время без привлечения полиции, если они продолжительное время знают друг друга и их объединяет общий язык, уровень дохода, образования и т.д.

Некоторые исследователи обращают внимание на зависимость мобилизации права от, например, содержания гендерных ролей в том или ином обществе. Так Егор Лазарев отмечает, что в современной Чечне женщины более чем мужчины склонны использовать нормы официального права (Lazarev, 2018. С. 3). Например, в случаях бракоразводных процессов и решения вопроса о том, с кем останутся дети. Исследователь объясняет это тем, что российская судебная практика предоставляет женщинам преимущества в бракоразводных процессах: суды чаще оставляют детей с матерями, устанавливая алиментные обязательства для отцов. В исторической ретроспективе связь гендера и особенностей мобилизации права прослежена в исследованиях на обширном материале Османской и Российской империй (Peirce, 2003; Engel, 2011).

Особенности мобилизации права — это важная характеристика право-

вой культуры того или иного общества (Шедов, 2019. С. 480). В ходе экспедиции в Ярославскую область в сентябре 2018 года мы обратили внимание на несколько сюжетов, связанных с мобилизацией права прихожанами мечетей (Изучение правовой ..., 2018). При анализе интервью и наблюдений мы объединили указанные сюжеты в две условные группы: те, в которых влияние на мобилизацию права оказывали различные идеи и представления о должном – «идеологические факторы», и те, в которых имели место различные организационные решения с участием мечети – «организационные факторы».

Идеологические факторы

Несколько прихожан мечетей рассказали нам о столкновениях с недобросовестными туроператорами, которые обещали организовать паломничество в Мекку (хадж), но после получения денег скрывались и не выполняли своих обязательств. В рассказах об опыте столкновения с мошенничеством некоторые прихожане пытались объяснить произошедшее тем, что они сами в духовном плане недостаточно подготовились к паломничеству и, как следствие, господь дал им понять, что следует уделить больше внимания своим мыслям и поступкам. Таким образом создается благоприятная среда для виктимизации (принятие роли жертвы) целой группы людей - потенциальных паломников в Мекку, которые пытаются самостоятельно организовать хадж.

Подобные настроения прихожан мечетей снижают степень мобилизации права в указанных ситуациях, что может служить благоприятной средой для развития преступности по отношению к прихожанам мечетей. Так, в Дагестане, в 2012 году жертвами недобросовестных туроператоров стали более 50 человек на общую сумму почти 5 миллионов рублей (Новости Генеральной ..., 2019). Такие ситуации не

редкость и за рубежом. Например, в Великобритании в период с 2013 года по 2017 год мошенники заполучили около миллиона фунтов, обманывая паломников (Action Fraud ... , 2019).

Безусловно, на решение обратиться или не обратиться в официальные правоохранительные органы с заявлением о преступлении влияют множество факторов. В том числе и доверие к полиции, знание основ правовой системы и опыт взаимодействия с государственными институтами. По опубликованным в 2018 году данным всероссийского репрезентативного виктимизационного опроса россияне обращаются в полицию лишь в половине случаев столкновения с ситуациями, имеющими признаки преступных (Кнорре, Титаев, 2018. С. 7). Вместе с тем, при прочих равных, не способствует мобилизации права интерпретация, в соответствии с которой жертва преступных действий ищет причины в первую очередь в собственных поступках.

Еще один сюжет привлек наше внимание в аспекте особенностей мобилизации права. После попытки поджога Ярославской соборной мечети в 2006 году (В Ярославле ... , 2019) сотрудники мечети ходатайствовали перед правоохранительными органами, чтобы к пойманым злоумышленникам не применяли жесткие меры уголовного преследования, а ограничились воспитательной беседой. Такая позиция жертв нападения была обусловлена идеей прощения и желанием помочь даже агрессорам. На языке социальной науки, эту ситуацию можно описать следующим образом: сотрудники мечети стремились посредством медиативных практик (альтернативные способы разрешения конфликтов) минимизировать степень мобилизации официального права за счет мобилизации моральных и этических норм.

Организационные факторы

На сайте Духовного управления мусульман Ярославской области (ДУМ

Ярославской области) размещен текст пятничной проповеди о взаимодействии норм шариата и официального российского права (Шариат или ..., 2019). Это уникальный опыт рефлексии над вопросами официального права для российских религиозных организаций. Возможно, он обусловлен тем, что среди сотрудников ДУМ Ярославской области несколько человек имеют светское юридическое образование, в том числе и имам Ярославской соборной мечети (на момент экспедиции в сентябре 2018 года). По крайней мере на уровне риторики, среди прихожан и сотрудников мечетей в Ярославской области актуализирована тема официального российского права. В терминах социолога права Дэвида Нелькена такую ситуацию можно обозначить как сложившуюся «культуру легальности» (Nelken, 2016. С. 4). При этом мечеть для прихожан выступает в качестве одного из источников информации об официальном праве.

Уже само информирование о действующих нормах права создает благоприятные условия для их мобилизации. Но кроме того, Ярославская соборная мечеть иногда выступает в качестве посредника между профессиональными юристами и адвокатами и

прихожанами, которые нуждаются в правовой консультации или помощи. В мечети есть контакты прихожан-юристов, к которым нуждающиеся могут обратиться за консультацией или помощью. Как правило, такая помощь нужна в вопросах миграционного права, оформления мелких бытовых сделок и по вопросам недвижимости. Среди прихожан-юристов распространяется мнение о том, что правовая помощь может рассматриваться в качестве благотворительности (садаки). Таким образом мечеть участвует в создании специфичной инфраструктуры для мобилизации официального российского права.

Заключение

Представленные сюжеты являются набором историй, которые нуждаются в детальном анализе и структурировании. Вместе с тем, и в таком виде они иллюстрируют сложное взаимодействие правовых и религиозных норм, которые не существуют отдельно, а переплетаются в повседневной жизни людей. В рамках исследовательского проекта по изучению правовой культуры прихожан мечетей мы планируем продолжить исследование особенностей мобилизации права.

Литература

1. В Ярославле несколько человек подожгли мечеть, один из подозреваемых в поджоге задержан. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/news/335808.html>.
2. Изучение правовой культуры прихожан мечетей Ярославской области», с 3 по 12 сентября 2018. Фрагменты содержательных отчетов руководителей экспедиции / Проект «Фонда образовательных инноваций» НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://foi.hse.ru/openrussia/news/236976275.html>.
3. Кнорре, А., Титаев, К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса (Аналитический обзор). – СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2018. — 36 с. Режим доступа: http://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf

4. Новости Генеральной прокуратуры России. Режим доступа: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-743191/>.
5. Шариат или Законодательство Российской Федерации? Текст пятничной проповеди на сайте ДУМ Ярославской области. Режим доступа: <https://islamyar.ru/shariat-ili-zakonodatel'stvo-rossiyskoy-federatsii.htm>.
6. Шедов, Д. Понимание правовой культуры: дискурсивные традиции и объяснительный потенциал. Журнал исследований социальной политики. 2019, 17 (3):479-486.
7. Action Fraud warns of Hajj fraud, as criminals target Muslims booking trips to Mecca. Available at: <https://www.actionfraud.police.uk/news/action-fraud-warns-of-hajj-fraud-as-criminals-target-muslims-booking-trips-to-mecca>.
8. Black D. Crime as Social Control. American Sociological Review. Vol. 48. No 1 (Feb., 1983).

P. 34 – 45. // Цит. по «Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов» / Науч. Ред. Э.Л. Панеях; лит. Ред. А.М. Кадникова. – М.: статут, 2014. - С. 320-337.

9. Lazarev, Egor. Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya / Doctoral theses. 2018. Available at: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8FF58S2>.

10. Nelken, D. Comparative Legal Research and Legal Culture: Facts, Approaches, and Values. 2016. Available at: [10.1146/annurev-lawsocsci-110615-084950](https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.1146/annurev-lawsocsci-110615-084950).

11. Peirce, Leslie. Morality Tales: Law and Gender in the Ottoman Court of Aintab. University of California Press. 2003. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pp2s4>.

12. Engel, Barbara Alpern. Breaking the Ties That Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia. Cornell University Press, 2011. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt7zgz9>.

References

1. V Yaroslavle neskol'ko chelovek podozhgli mechet', odin iz podozrevayemykh v podzhoge zaderzhan [In Yaroslavl, several people set fire to the mosque; one of the suspected arsoners was detained]. Available at: <https://echo.msk.ru/news/335808.html>.

2. Izucheniye pravovoy kul'tury prikhozhan mechetey YAroslavskoy oblasti, s 3 po 12 sentyabrya 2018. Fragmenty sodержatel'nykh otchetov rukovoditeley ekspeditsii [Study of the legal culture of parishioners of mosques of the Yaroslavl Region, from September 3 to 12, 2018. Fragments of substantial reports of expedition leaders]. Proyekt "Fonda obrazovatel'nykh innovatsiy" NIU VSHE [Project of the «Educational Innovation Fund» HSE].

3. Knorre, A., Titayev, K. Prestupnost' i viktimizatsiya v Rossii. Rezul'taty vserossiyskogo viktimizatsionnogo oprosa (Analiticheskiy obzor) [Crime and victimization in Russia. Results of the All-Russian Victimization Survey (Analytical Review)]. St. Petersburg: IPP EU SPb, 2018. 36. Available

at: http://enforce.spb.ru/images/analytical_review/ir_l_rcvs_memo_29.10.pdf.

4. Novosti General'noy prokuratury Rossii [News of the General Prosecutor of Russia]. Available at: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-743191/>.

5. SHariat ili Zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii? Tekst pyatnichnoy propovedi na sayte DUM YAroslavskoy oblasti [Sharia or the legislation of the Russian Federation? The text of the Friday sermon on the website of the DUM of the Yaroslavl region.]. Available at: <https://islamyar.ru/shariat-ili-zakonodatel'stvo-rossiyskoy-federatsii.htm>.

6. Shedov, Denis. Ponimanie pravovoy kul'tury: diskursivnye traditsii i obyasnitelny potencial [Conceptualizations of Legal Culture: Discursive Traditions and Explanatory Potential]. The Journal of Social Policy Studies. 2019, 17 (3):479-486.

7. Action Fraud warns of Hajj fraud, as criminals target Muslims booking trips to Mecca. Available at: <https://www.actionfraud.police.uk/news/action-fraud-warns-of-hajj-fraud-as-criminals-target-muslims-booking-trips-to-mecca>.

8. Black D. Crime as Social Control. American Sociological Review. Vol. 48. No 1 (Feb., 1983). P. 34 – 45.

9. Lazarev, Egor. Laws in Conflict: Legacies of War and Legal Pluralism in Chechnya / Doctoral theses. 2018. Available at: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8FF58S2>.

10. Nelken, D. Comparative Legal Research and Legal Culture: Facts, Approaches, and Values. 2016. Available at: [10.1146/annurev-lawsocsci-110615-084950](https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.1146/annurev-lawsocsci-110615-084950).

11. Peirce, Leslie. Morality Tales: Law and Gender in the Ottoman Court of Aintab. University of California Press. 2003. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pp2s4>.

12. Engel, Barbara Alpern. Breaking the Ties That Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia. Cornell University Press, 2011. Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt7zgz9>.

Поступила в редакцию 18 февраля 2019 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шедов Денис Викторович

Ассистент департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
E-mail: den.shedov@gmail.com

Denis V. Shedov

Assistant at the Department of General and Interdisciplinary Legal Disciplines of the National Research University Higher School of Economics, Moscow
E-mail: den.shedov@gmail.com

ЭТНОЛОГИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 316.74

Влияние структурных компонентов национальной идентичности и самоидентификации на индикаторы рождаемости в Армении**С. А. Манукян**

Центр общественных связей и информации, Ереван, Армения

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос возможности управления рождаемостью посредством воздействия на общественные восприятия через структурные элементы национальной идентичности и самоидентификации. Построена соответствующая модель стратегического управления рождаемостью.

Ключевые слова: рождаемость, Армения, этнос, национальная идентичность, самоидентификация, управление, стратегия, модель.

Для цитирования: Манукян С.А. Влияние структурных компонентов национальной идентичности и самоидентификации на индикаторы рождаемости в Армении // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2, № 1(3). С. 28–42.

The impact of structural components of national identity and self-identification on fertility indicators in Armenia**Samvel A. Manukyan**

The Center of Public Relations and Information, Yerevan, Armenia

Abstract: The article considered the possibility of fertility indicators control by the structural components of national identity and self-identification. An appropriate model is represented for fertility indicators strategic control.

Keywords: fertility, Armenia, ethnos, national identity, self-identification, control, strategy, model.

For citation: Manukyan S.A. The impact of structural components of national identity and self-identification on fertility indicators in Armenia // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol 2, № 1(3). P. 28–42.

Введение

Основные факторы, снижающие рождаемость, давно общеизвестны – технологическое и экономическое развитие, а также его производные – женская эмансипация, особенно включение женщины в интенсивную экономическую жизнь вне семьи, изменения структуры семьи и перераспределения ролей в семье, трансформация традиционных ценностей в либеральные, приоритет индивидуалистических ценностей над коллективными, формирование общества потребления, развитие эффективных средств контрацепции, разрешение аборт и т.д.

Эти процессы в технологически развитых странах привели к снижению рождаемости ниже уровня необходимого для естественного воспроизводства населения. С другой стороны, трансферт в страны третьего мира медицинских технологий, сокращающие

смертность, особенно младенческую и детскую, в условиях сохранения очень высокого уровня рождаемости, привели к беспрецедентно быстрому росту населения в мире.

Фактический быстрый рост населения и сценарий роста благосостояния населения в третьем мире, в условиях закономерностей, механизмов и факторов функционирования глобальной капиталистической экономики, привели к размышлению о пределах количественного роста человеческой цивилизации, в том числе природных ресурсов, количества населения и экологических проблем. После публикаций Джея Форрестера (Форрестер, 2003), Денниса Медоуза, Донеллы Медоуз, Йоргена Рандерса и Уильяма Беренса (Медоуз и др., 1991) эти проблемы стали формировать глобальные стратегии мировой динамики,

в том числе и стратегии целенаправленного снижения рождаемости.

В странах третьего мира эти стратегии - скорее благо, так как снижение рождаемости и, вследствие этого, сокращение населения, увеличивают шансы роста общего благосостояния населения этих стран. Однако, в странах, которые уже давно находятся в конце третьей или в четвертой фазе демографического перехода, особенно, стран бывшего социалистического блока и европейской части СССР, имеющих серьезные проблемы с естественным воспроизводством населения, и, одновременно, подвергающихся миграционному давлению из стран третьего мира, эти стратегии формируют, в первом приближении, неразрешимые проблемы защиты своей цивилизационной, национальной (этнической) и культурной идентичности.

Подобные проблемы угрожают и Армении, которая после распада СССР превратилась в периферийную страну миросистемы. Вследствие этого, Армения в глобальных классификациях идентифицирована как развивающаяся страна, поэтому попадает в число объектов, к которым применяются стратегии, применяемые к странам третьего мира, в том числе и по сокращению естественного роста населения. За прошедшую четверть века, практически все государственные стратегии реформ в Армении, будь то в сфере экономики, финансов, в сфере социальной защиты и обеспечения, образования или здравоохранения, проводимые за счет кредитов международных финансовых организаций и помощи международных фондов, в своем составе имели компоненты, прямо или косвенно снижающие потенциал естественного воспроизводства населения в Армении.

Основные демографические показатели Армении, описывающие ее демографическое состояние, приведены в диаграммах 1-4, из которых очевидно, что состояние и тенденции не-

благоприятные. Так, де-юре население Армении в течение 1991-2017 гг. сократилось от 3.574 миллиона человек, до 2.986 миллиона. Коэффициент фертильности с 1993 г. (2.08) стал ниже уровня необходимого для естественного воспроизводства населения (2.15). Рождаемость, после 2011 г. неуклонно снижается и в 2017 г. составила 12.6‰. Смертность, из-за старения населения, неуклонно росла и в 2017 г. достигла 9.1‰. Незначительный естественный прирост перекрывается отрицательным миграционным балансом, в результате, население Армении сокращается.

Цель и задачи исследования

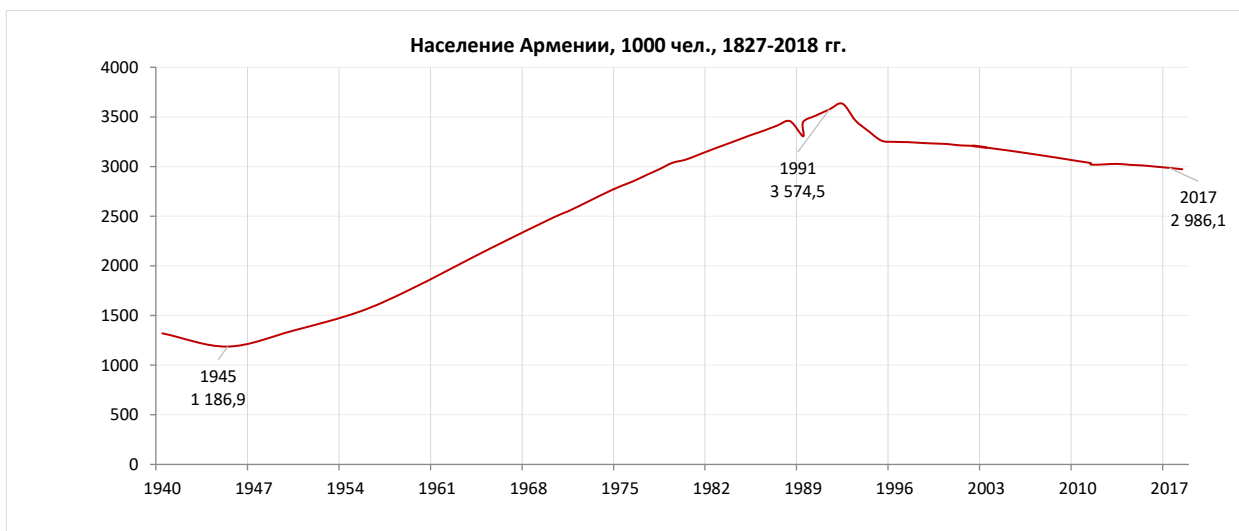
В данной статье рассмотрено влияние нескольких специфических культурно-ценностных установок в обществе Армении, влияющих на показатели рождаемости в Армении, в том числе на желательное количество детей в семье (фундаментальный показатель, определяющий верхний предел роста рождаемости), количество детей в семье и реализацию потребности в детях. Рассмотрен характер влияния на эти показатели:

- Структурных элементов национальной идентификации, т.е. элементов системы критериев в этническом сознании, на основе которых армяне воспринимают отдельного индивида как армянина,

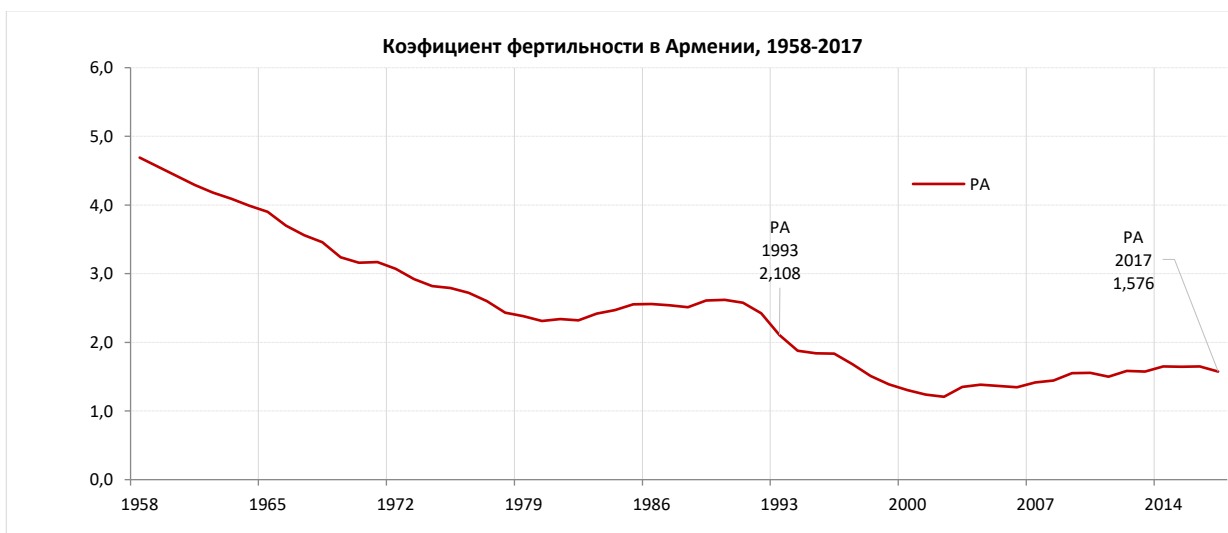
- Элементов самоидентификации индивида на индивидуальном, национальном и наднациональном уровне.

В статье представлены также динамика и связь между показателями (желательное количество детей в семье, количество детей в семье родителей, количество детей в семье индивида), а также динамика показателя желательное количество детей в семье в половозрастных группах.

Цель исследования - разработка модели, которая отображает влияние исследуемых факторов на индикаторы естественного воспроизводства населения.

Диаграмма 1. Население Армении 1827-2018 гг. (Демографический сборник ..., 2018)³.

Диаграмма 2. Коэффициент фертильности Армении, 1958-2017 гг.

Диаграмма 3. Рождаемость и смертность в Армении, 1940-2017 гг.

³ Источники: Демографический сборник Армении 1940-2000, Национальная статистическая служба РА и Демографический сборник Армении 2018

Методология

Приведенные в статье результаты получены посредством вторичного анализа баз данных двух социологических исследований:

- «Качество жизни в Армении, 2014», проведенного по заказу Правительства Армении в 2014 г.,

- «Поколение независимости», проведенного факультетом социологии Ереванского Государственного Университета в 2016, при содействии Фонда Фридриха Эберта (Мкртчян и др. 2016).

Генеральная совокупность исследования «Качество жизни в Армении 2014» – население Армении в возрасте от 18 лет. Объем выборки – 2000. Выборка случайная, многослойная, кластерная, репрезентативна по регионам Армении и районам города Еревана (в Ереване проживает 36% населения Армении), городскому и сельскому населению регионов, по полу и возрастным группам - 18-29, 30-44, 45-59, 60 и более лет.

Генеральная совокупность исследования «Поколение независимости» - молодежь Армении в возрасте от 14-29 лет, объем выборки – 1200. Выборка случайная, многослойная, кластерная, репрезентативна по регионам Армении и районам города Еревана, городскому и сельскому населению регионов, по полу и возрастным группам 14-17, 18-21, 22-25, 26-29.

В каждой из серии исследований «Качество жизни в Армении» с 2011-2017 гг. помимо 63 параметров, непосредственно используемых для формирования индексов качества жизни, а также его различных измерений, составляющих контексты индексов (более 300 параметров), зондировались различные концепты, важные для понимания армянского общества, его культурно-ценностной трансформации.

В исследовании 2014 г. были прозондированы установки общества по отношению к желательному количеству детей в семье, а также распро-

страненность в этническом сознании системы критериев, на основе которых армяне считают отдельного индивида армянином. Наличие в одном исследовании этих двух групп параметров сделало возможным исследование специфического ракурса проблемы естественного роста населения.

В исследовании «Качество жизни в Армении 2014» было прозондировано несколько индикаторов, характеризующих естественное воспроизводство населения, в том числе:

1. Количество детей в семье родителей респондента,

2. Количество детей у респондента,

3. Желаемое количество детей у респондента, для которого использовался вопрос: «Сколько детей желали бы Вы иметь, если бы для этого были соответствующие жилищные, финансовые и другие необходимые условия?»

4. Реализация потребности в детях по формуле:

$$\text{Реализация потребности в детях} = \frac{\text{Количество детей у респондента}}{\text{Желаемое количество детей}}$$

В исследовании «Поколение независимости» присутствовал индикатор желаемого количества детей в семье, а также вопросы, относящиеся к системе элементов идентичности (самоидентификации) респондента.

Очевидно, что основные целевые показатели для стратегий увеличения рождаемости – это потребность в детях и реализуемость этой потребности. Для разработки стратегий по увеличению рождаемости, необходимо выявление факторов, которые прямо или опосредствованно увеличивают эти показатели.

Результаты

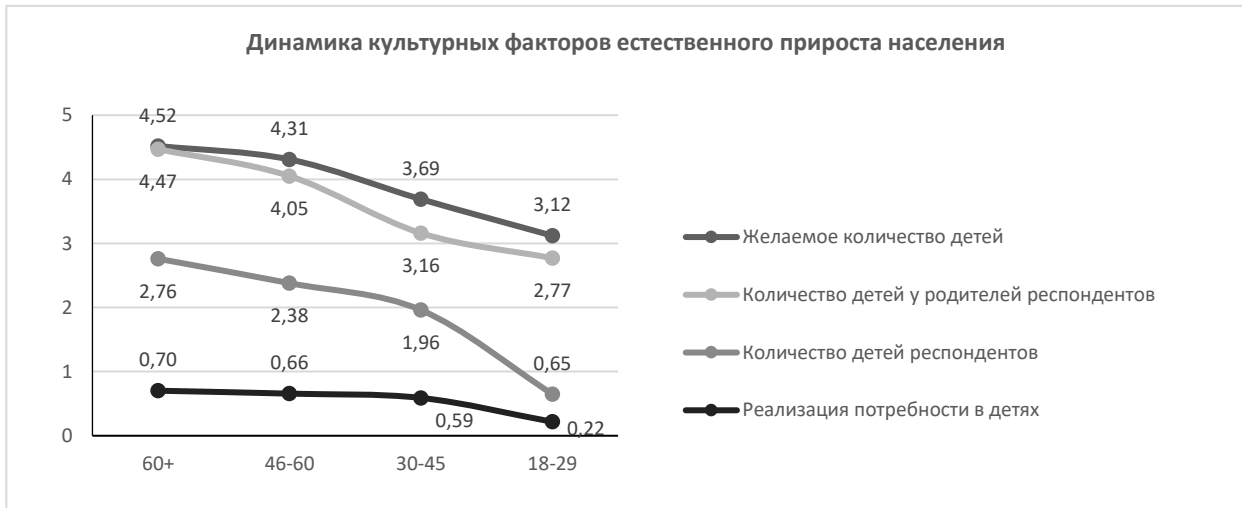
Динамика индикаторов естественного воспроизводства населения

В диаграмме 4 приведены средние значения индикаторов желаемое

количество детей у респондентов, количество детей у родителей респондента, количество детей у респондента и реализация потребности в детях у респондента в возрастных группах, полученные вторичным анализом базы данных «Исследование качества жизни в Армении 2014».

Так как известно, что репродуктивные установки, в частности, желае-

мое количество детей в семье, формируются в раннем возрасте и на протяжении жизни меняются незначительно, ряд значений индикаторов в возрастных группах можно рассматривать как косвенные индикаторы влияния времени на репродуктивное поведение. Поэтому в диаграмме 4 возрастные группы представлены в обратном порядке.

Диаграмма 4. Желаемое количество детей, количество детей у родителей респондентов, количество детей у респондентов, удовлетворённость потребности в детях по возрасту и полу. «Исследование качества жизни в Армении, 2014».

Основные выводы:

1. Подтверждается известное из теории демографии положение, что желаемое количество детей у индивида близко к количеству детей в его родительской семье.

2. В течение рассматриваемого периода среднее значение желаемого количества детей в семье в армянском обществе постоянно снижалось.

Так, если в возрастной группе 60+ оно равнялось 4.52, то в группе 18-29 оно снизилось до 3.12, т. е. на 45%. Отметим, что в социологическом исследовании «Мировоззренческие комплексы молодежи Армении в контексте задач стратегического развития РА»⁴ получен подобный результат –

среднее значение желаемого количества детей среди молодежи 18-29 лет (рассчитанное на основе аналогичного вопроса) было 3.14.

А в исследовании «Поколение независимости» показатель среди респондентов 18-29 равнялся 2.63. В этом исследовании вопрос о желаемом количестве детей был сформулирован следующим образом: «Сколько детей хотели бы Вы иметь?», т.е. без определения каких-либо условий. Более адекватными следует считать результаты исследования «Качество жизни в Армении 2014» и «Исследовании мировоззренческие комплексы молодежи

среди молодежи Армении. Объем выборки 1196, выборка – многослойная, кластерная, репрезентативная по географическим регионам и г. Еревану, по-городскому и сельскому населению, полу и возрастным группам – 18-19, 20-24, 25-30.

⁴ Общереспубликанское исследование молодежи 18-29 лет проведенное в 2011 г. по заказу Министерства РА по делам молодежи и спорта

Армении в контексте задач стратегического развития РА».

Несмотря на сокращение индикатора желаемое количество детей, его значение, при полном удовлетворении потребности в детях, более чем достаточно для расширенного воспроизводства населения. Среднее количество детей у респондентов со временем снизилось.

Если в возрастной группе 60+ лет, показатель равнялся 2.76, то в группе 30-45 лет он стал 1.96. Очевидно, что в группе 18-29 индикатор не достиг своего максимума, во-первых, потому что в группе не достигла своего максимума брачность – только 78.1% респондентов этой возрастной группы не состояли в браке⁵, во-вторых, в группе респондентов возраста 18-29, состоявших в браке, количество детей не достигло своего реально достижимого уровня. Экстраполяция данных для оценки возможного среднего количества детей в возрастной группе 18-29 дала результат 1.57, что практически совпало с коэффициентом фертильности в Армении за 2013 г. – 1.573.

Показатель степень реализуемости потребности в детях также со временем снижался.

Если в возрастной группе 60+ он равнялся 0.70, то в группе 46-60 лет – 0.66, в группе 30-45 – 0.59, а в группе 18-29 – 0.22. Однако, если экстраполировать этот показатель для группы 18-19 на основе показателей старших возрастных групп, то получим 0.52. А, если умножить полученное значение на среднее значение желаемого количества детей в группе 18-19, то получим 1.62, т.е. получим показатель фертильности в Армении в 2015 г.

Если обобщить основные результаты, то получается, что в течение

последнего полувека, когда общество Армении жило и в «хороших» условиях (в советское время), и в «плохих» условиях (в течение разрушенной экономики 1990-х), и в «улучшающихся» условиях (интенсивный рост экономики в 2001-2008), то степень реализации потребности в детях не превышала 0.70. Более того - она постепенно снижалась. Следовательно, нет достаточных оснований считать, что в обозримом будущем, при прочих равных условиях, коэффициент фертильности спонтанно возрастет, скорее он будет снижаться.

Следовательно, необходимы продуманные меры по такой культурно-ценностной трансформации в обществе, которая будет содержать элементы, повышающие потребность в детях, и, с другой стороны, меры социально-экономического, политического и информационного характера, которые повысят уровень реализуемости потребности в детях.

Исследование средних значений индикатора желаемое количество детей в половозрастных группах показало, что:

Для каждого пола по отдельности значения этого индикатора статистически значимо отличаются, кроме значений групп 46-60 и 60+.

В каждой из возрастных групп средние значения индикатора между полами статистически значимо отличаются.

Однако статистически значимое взаимодействие между переменными пола и возраста не обнаружено (Диаграмма 5).

Данные диаграммы 5 указывают, что:

- В «авангарде» процесса снижения желаемого количества детей во всех временных периодах, охваченных исследованием, были женщины, что соответствует положениям теории демографии: индустриальный и постиндустриальный уклад жизни снижает

⁵ С точки зрения цели увеличения естественного прироста населения — это очень «плохой уровень». Отметим, что никогда не состояли в браке 15.3% респондентов в группе 30-44, 5.3% в группе 45-60 и 1.3% в группе 60+.

рождаемость в первую очередь и в основном через женщин.

Дисперсионный анализ обнаружил влияние взаимодействия типа поселения (Ереван, город, село) с возрастом (Диаграмма 6). Оказалось, что:

- в старшем поколении 60+ среднее значение индикатора в Ереване (в столице) статистически значительно ниже значений показателя для сел и городов (в которых эти значения статистически не отличались),

- в поколении 46-60 среднее значение индикатора в городах приблизилось к Еревану,

- в группах 30-45 и 18-29 к Еревану приблизились также средние значения индикатора для сел. В этой возрастной группе значения индикаторов статистически не отличаются.

Этот результат соответствует данным в диаграмме 6, в которой представлена динамика коэффициента фертильности в городах и селах Армении⁶. Начиная с 1991 г., когда поколение 45-60 в исследовании «Качество жизни в Армении 2014» уже было в возрасте воспроизводства, различие между коэффициентами фертильности в городах и селах начало сокращаться, а с 2000-ых оно практически сравнялось, более того, с 2011 г. в селах коэффициент фертильности стал ниже, чем в городах (включая столицу).

Большое количество трудовых мигрантов из Армении - наиболее мощный фактор снижения рождаемости, особенно в селах. Многие трудовые мигранты отсутствуют в Армении дольше года. Основанные на данных шести исследований «Качество жизни в Армении» (2011-2016), показатели

количества трудовых мигрантов, ежегодно уезжающих на заработки, составляют в среднем порядка 200,000 человек. Среди них мужчины составляют 97%, а мужчины возраста 18-45 - почти 64%. В 2014 г. в Ереване 12% семей имели трудового мигранта, тогда как в селах - 30% (почти каждая третья семья). В 2014 г. 49% мигрантов были из сел, тогда как сельское население Армении составляет 36%. Т. е. влияние трудовой миграции (как положительное, например в виде частных трансфертов, так и отрицательное - снижение брачности и рождаемости) на сельское население в 1.7 раз выше, чем на городское население.

Дисперсионный анализ не обнаружил влияния индикаторов благосостояния и уровня образованности респондентов на средние значения желательного количества детей в семье, а также влияние взаимодействия этих характеристик с возрастом.

Взаимные корреляции индикаторов естественного воспроизводства

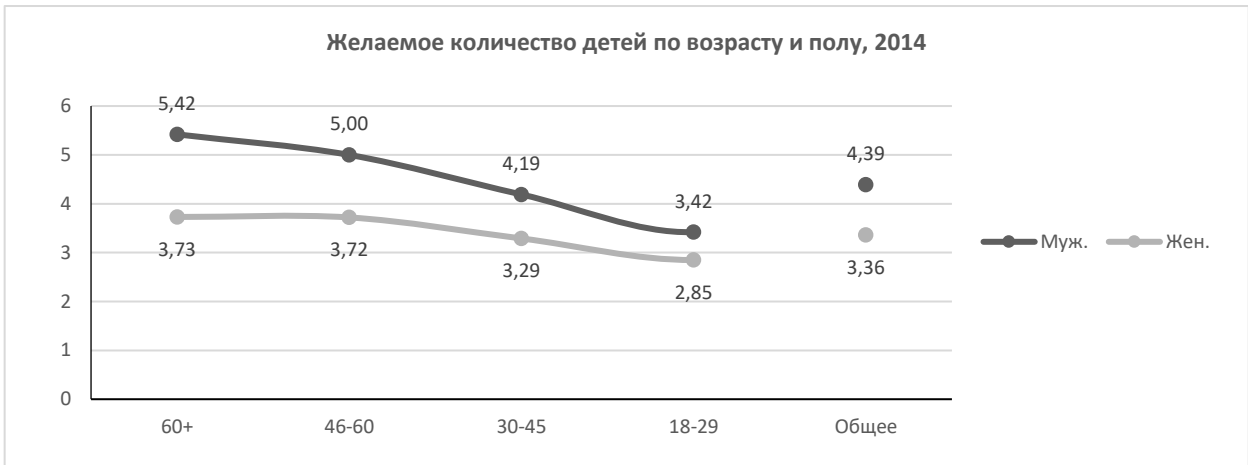
Корреляционная матрица индикаторов естественного воспроизводства приведена в Таблице 1.

Основной вывод из данных Таблицы 1: чем выше индикатор количество детей в семье родителей, который формирует значение индикатора желаемое количество детей и количества детей в семье, тем ниже реализация потребности в детях.

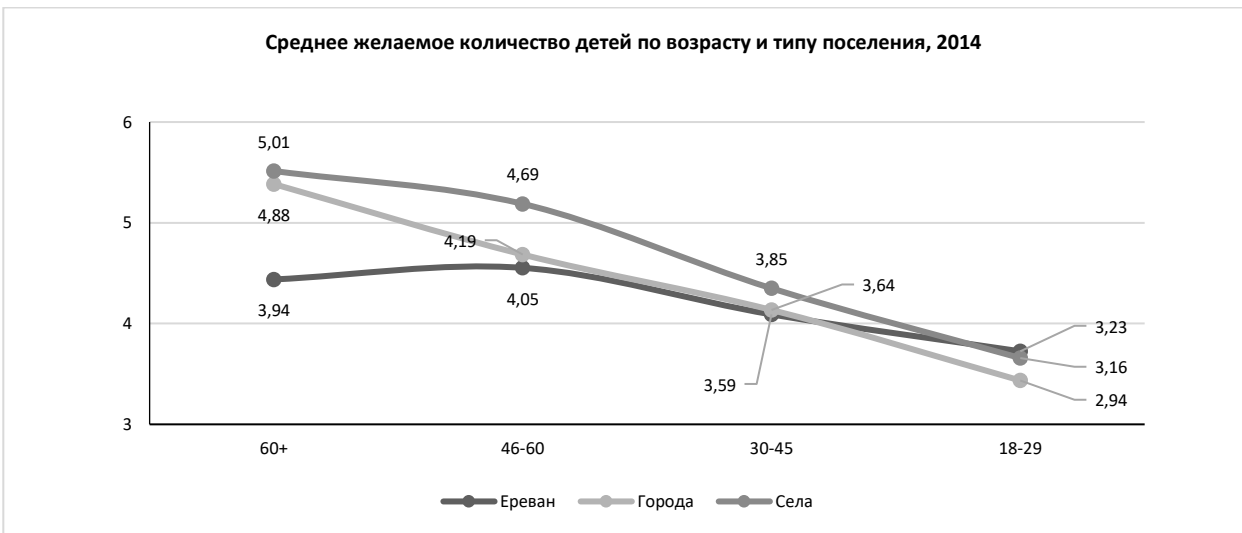
Обобщенная характеристика общества Армении в контексте естественного роста населения: чем больше желаемое количество детей, тем больше оно препятствует реализации этого желания. Поэтому, стратегии роста рождаемости должны быть основаны на таких моделях, которые одновременно повышают оба эти показателя.

Влияние элементов структуры национальной идентификации на желаемое количество детей в семье.

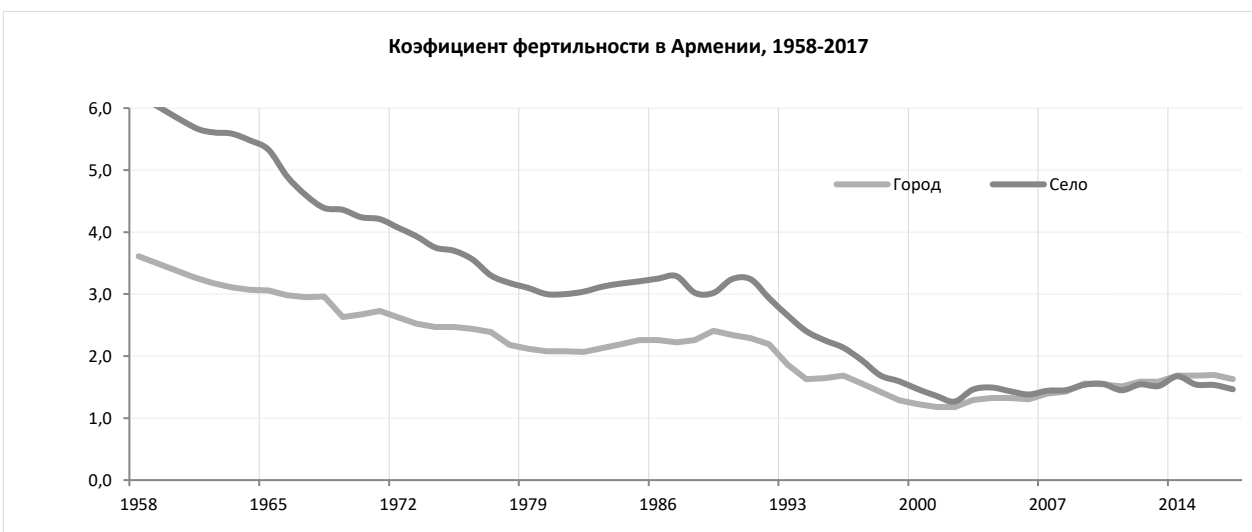
⁶ Национальная статистическая служба Армении многие индикаторы представляет в срезе «город - село», хотя, как показывает опыт многочисленных социологических исследований, в том числе и исследований «Качество жизни в Армении» за 2011-2016, Ереван, в котором проживает 36% населения Армении, во многом существенно отличается от остальных городов, в которых проживает 28% населения.

Диаграмма 5. Желаемое количество детей по возрасту и полу. Исследование качества жизни в Армении, 2014.

Диаграмма 6. Среднее желаемое количество детей по возрасту и типу поселения, 2014.

Диаграмма 7. Коэффициент фертильности в Армении в городах и селах, 1958-2017 гг.

	Количество детей в семье родителей	Количество детей в семье	Желаемое количество детей	Реализация потребности в детях
Количество детей в семье родителей	1.000	0.346	0.189	0.214
Количество детей в семье	0.346	1.000	0.300	0.736
Желаемое количество детей	0.189	0.300	1.000	-0.214
Реализация потребности в детях	0.214	0.736	-0.214	1.000

Таблица 1. Корреляционная матрица индикаторов естественного воспроизводства

Структурные элементы идентификации индивида как принадлежащего к нации

В исследовании «Качество жизни в Армении 2014» респондентам был задан вопрос: «Скажите, которые из следующих условий обязательны для того, чтобы считаться армянином?» Респондентам предоставлялась карта со следующими условиями:

1. Чтобы отец был армянином,
2. Чтобы мать была армянкой,
3. Чтобы человек считал себя армянином,
4. Чтобы умел разговаривать по-армянски,
5. Чтобы принадлежал к Армянской Апостольской церкви,
6. Чтобы считал Армению своей единственной родиной.

Респондент мог отметить любое количество вариантов ответов. Отметим, что в выборке представители других этносов составляли 0.7% и им эти вопросы не задавались.

Очевидно, что условия 1, 2 и 6 – показатели идентификации этноса на основе «крови и почвы», а условия 3, 4 и 5 – на основе культуры. Полученные результаты представлены в диаграмме 8 и 9. В диаграмме 8 приведены проценты ответов «обязательно». В диаграмме 8 приведены также результаты

полученные в «Исследовании мировоззренческих комплексов молодежи Армении в контексте задач стратегического развития РА» (2011) среди молодежи Армении 18-29 лет посредством совершенно идентичных вопросов. Очевидно, что данные двух исследований практически идентичны.

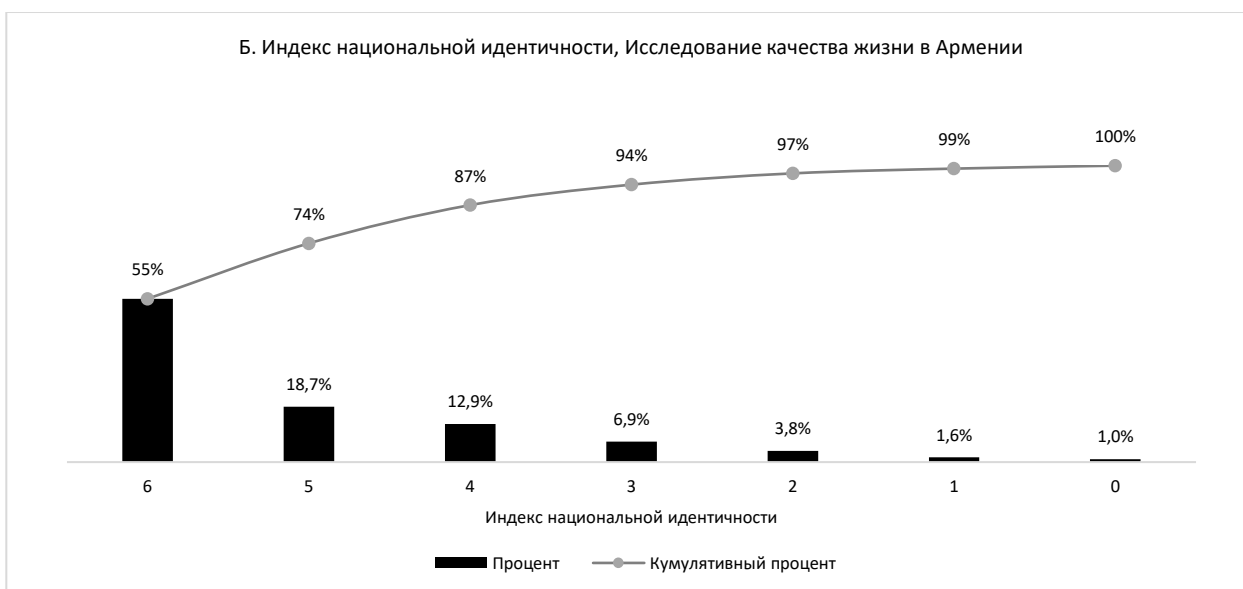
На Диаграмме 9 приведено распределение Индекса национальной идентичности (индекс показывает количество условий, которое респондент назвал обязательными для того, чтобы считать индивида армянином), а также кумулята этого распределения.

Результаты показывают, что армяне Армении очень требовательны в вопросе касательно критериев национальной принадлежности. Пять условий имеют очень высокую (более 80%), а одно - достаточно высокую (более 60%) распространенность. Причем для более чем половины представителей общества (55%) необходимо наличие всех шести предусловий, для трех четвертей (74%) – пять, для почти 90% - четырех, а для 95% - трех условий.

Соответственно, высокая требовательность к критериям идентификации индивида как армянина, с одной стороны, консолидирует этнос, однако, с другой страны, препятствует росту этноса посредством ассимиляции.

Диаграмма 8. Распространенность обязательные критерии для того, чтобы считаться армянином.

Диаграмма 9. Обязательные критерии для того, чтобы считаться армянином.

Влияние структурных компонентов национальной идентификации на показатель желаемое количество детей в семье

Вторичный анализ базы данных «Качество жизни в Армении 2014» показал, что компоненты национальной идентификации влияют на индикаторы, описывающие рождаемость. Уровень этого влияния отображен в Таблице 2, где для каждого компонента национальной идентификации (столбцы таблицы), приведены средние значения индикаторов рождаемо-

сти (строки таблицы) для групп респондентов, отметивших данный компонент обязательным (подстрока «Да») или необязательным (подстрока «Нет»). Для каждого индикатора, в подстроке «Да-Нет» представлена разница значений каждого индикатора рождаемости для групп, считающих данный компонент национальной идентичности обязательным (Да) и необязательным (Нет).

Статистически значимые разности выделены жирным курсивным шрифтом.

Индикатор	Обязательно	Чтобы считал Армению своей единственной родиной	Чтобы умел разговаривать по-армянски	Чтобы отец был армянином	Чтобы мать была армянкой	Чтобы принадлежал Армянской Апостольской Церкви	Чтобы человек считал себя армянином
Количество детей в семье родителей респондента	Да	3.58	3.58	3.56	3.57	3.54	3.52
	Нет	3.01	2.95	3.11	3.26	3.19	3.24
	Да-Нет	0.57	0.63	0.45	0.31	0.35	0.28
Желаемое количество детей у респондента	Да	3.69	3.66	3.67	3.64	3.63	3.62
	Нет	3.25	3.43	3.37	3.59	3.63	3.76
	Да-Нет	0.44	0.23	0.30	0.05	0.00	-0.14
Количество детей у респондента	Да	1.90	1.89	1.87	1.86	1.85	1.83
	Нет	1.40	1.41	1.56	1.74	1.70	1.80
	Да-Нет	0.50	0.48	0.31	0.12	0.15	0.03
Реализация потребности в детях	Да	0.45	0.45	0.45	0.45	0.46	0.46
	Нет	0.55	0.57	0.55	0.49	0.50	0.50
	Да-Нет	-0.10	-0.12	-0.10	-0.04	-0.04	-0.04

Таблица 2. Влияние компонент национальной идентификации на индикаторы рождаемости..

Данные Таблицы 1 показывают, что:

- В тех группах, которые считают обязательными компоненты: «чтобы отец был армянином», «чтобы умел разговаривать по-армянски» и «чтобы считал Армению своей единственной родиной», все индикаторы рождаемости, кроме индикатора реализации потребности в детях, статистически значимо выше, чем в группах, которые считают эти компоненты необязательными. А индикатор реализа-

ции потребности в детях статистически значимо ниже.

- В тех группах, которые считают обязательными компоненты: «чтобы мать была армянкой», «чтобы человек считал себя армянином» статистически значимо выше средние значения индикаторов количества детей в семье родителей респондента и количества детей у респондента. Здесь термин «влияние» использован не в причинно-следственном, а в статистическом смысле.

▪ В группе, считающей обязательным, «чтобы человек считал себя армянином», не обнаружено статистически значимого влияния на индикаторы рождаемости.

Влияние на желаемое количество детей элементов самоидентификации индивида на личностном, национальном и наднациональном уровне

Влияние на желаемое количество детей элементов самоидентификации индивида на личностном, национальном и наднациональном уровне исследовано вторичным анализом базы данных исследования «Поколение независимости».

В исследовании был задан вопрос: «Из данного списка выберите только три ответа, которые наиболее характерны для Вас, и перечислите их, начиная с наиболее характерного». Респондентам представлялся следующий список характеристик:

«Я ...

1. Европейец,
2. Армянин,
3. Христианин,
4. Житель своего региона/города/села,
5. Цехакрон⁷,
6. Солдат моей страны,
7. Потомок моих родителей,
8. Мужчина/женщина,
9. Гражданин Республики Армения,
10. Ученик/студент,
11. Гражданин мира.»

Средние значения желаемого количества детей в группах респондентов, которые среди трех возможных ответов отметили данный элемент, приведена на диаграмме 10. Элементы условно сгруппированы на трех уровнях - индивидуальном, национальном, наднациональном. Очевидно, что для любой группы средние значения не

являются «чистыми», так как в каждой группе «принудительно» включены два других элемента

Как видно, среди элементов национального или регионального уровня, среднее значение желаемого количества детей, как правило, выше, чем среди элементов индивидуального уровня, а в последних - выше, чем среди элементов наднационального или гражданского уровня.

В таблице 3 приведены более детальные результаты анализа данных. Первые три столбца таблицы отображены в диаграмме 6. В столбце «N» представлено общее количество респондентов, которые среди трех возможностей отметили данный элемент. В квадратной симметричной матрице «11 x 11» темно серым цветом отмечены те ячейки, для которых разница средних значений желаемого количества детей элементов соответствующей строки и столбца статистически значимо отличаются. Например: ячейка на пересечении 2-ой строки и 10-го столбца темно серая. Это значит, что средние значения желаемого количества группы отметивших элемент «я солдат своей страны» статистически значимо отличается (он выше) от значения группы отметивших элемент «я гражданин Республики Армения».

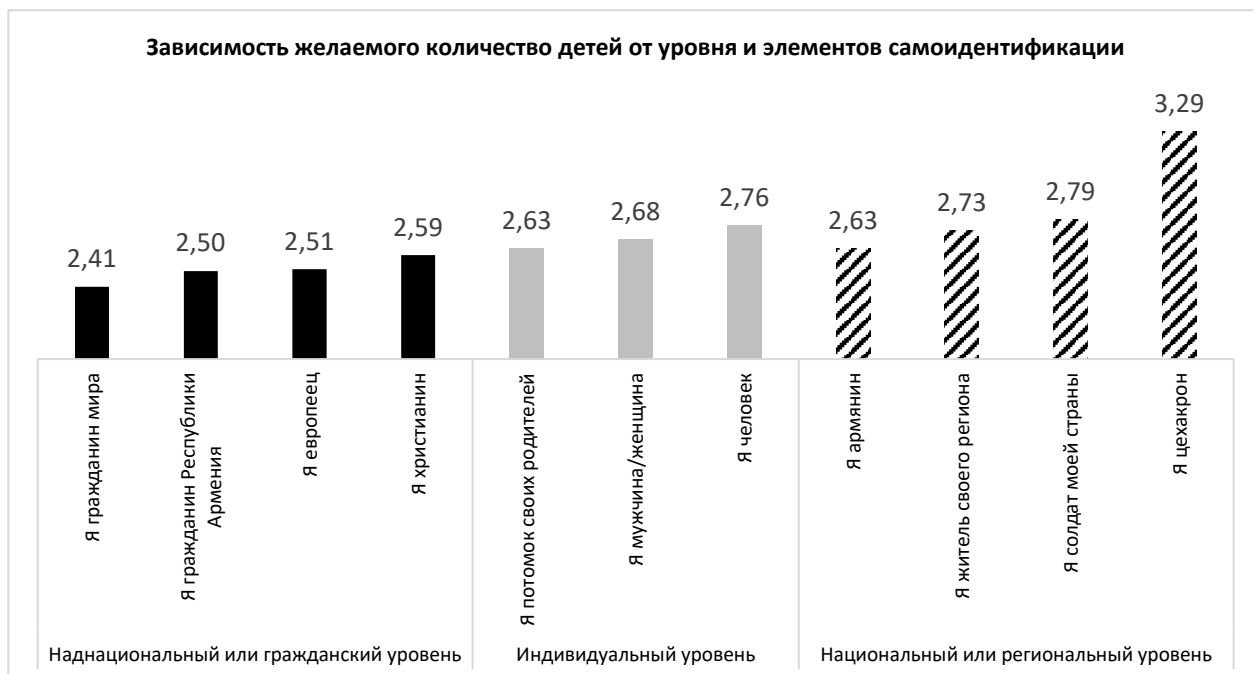
Конфигурация данных диаграммы 10 и таблицы 3 подсказывают, что конструирование индексов для групп элементов, могло бы надежнее обосновать вышеизложенное положение о том, что элементы национального уровня повышают, а наднационального уровня – снижают значение индикатора желаемого количества детей.

Для проверки этой гипотезы построены два индекса. Индекс национальной идентичности – для каждого респондента его значение равно количеству элементов из группы национальной или региональной идентификации. Индекс наднациональной и гражданской идентичности - для каж-

⁷ Название армянской националистической идеологии. Разработана в 1930-ых гг. Гарегином Нжде (Тер-Арутюнян). Официальная идеология Республиканской Партии Армении.

дого респондента его значение равно количеству элементов из группы наднациональной или гражданской идентификации. Средние значения для каждого уровня индексов представлены в диаграмме 11. Статистическое тестирование показало, что для обоих

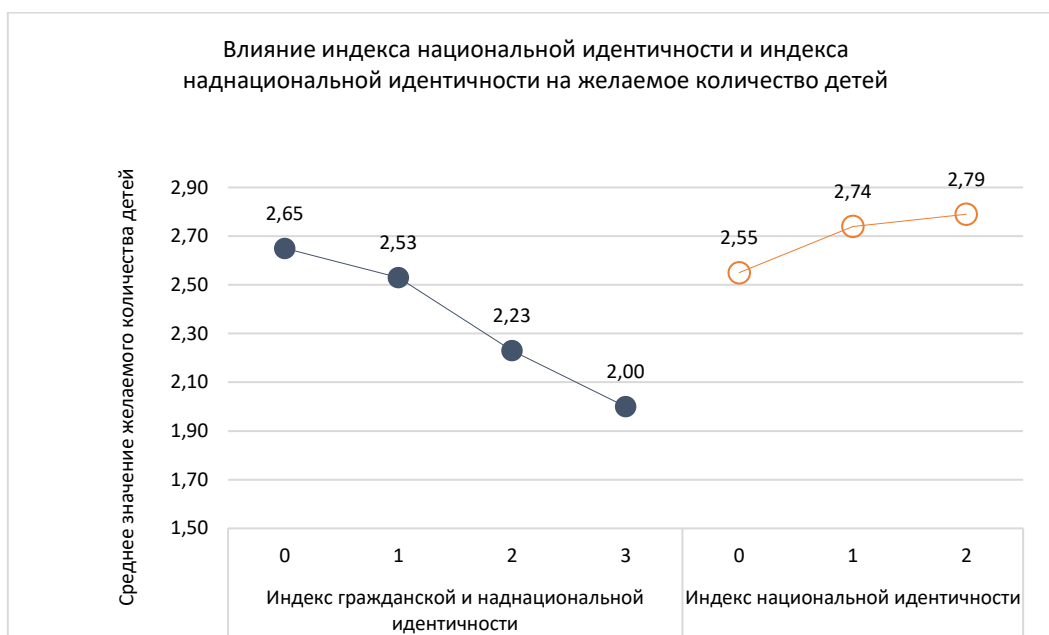
индексов линейный тренд статистически значим. Следовательно, укоренение и усиление элементов национального и регионального уровня в структуре идентичности личности способствуют увеличению индикатора желаемое количество детей.

Диаграмма 10. Зависимость желаемого количество детей от уровня и элементов самоидентификации

Уровень идентификации	Идентификатор	СРЗ	N	NN	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Национальная или региональная	Я цехахрон	3.29	23	1											
	Я солдат моей страны	2.79	135	2											
	Я житель своего региона	2.73	117	3											
	Я армянин	2.63	1,039	4											
Индивидуальная	Я человек	2.76	30	5											
	Я мужчина/женщина	2.68	223	6											
	Я потомок своих родителей	2.63	790	7											
Наднациональная или гражданская	Я христианин	2.59	872	8											
	Я европеец	2.51	37	9											
	Я гражданин РА	2.50	137	10											
	Я гражданин мира	2.41	44	11											

Таблица 3

Диаграмма 11. Влияние индекса национальной идентичности и индекса наднациональной идентичности на желаемое количество детей

Заключение

Все результаты исследования консолидированы в модели, представленной в диаграмме 12. В модели индикаторы естественного прироста населения представлены кружках, условия идентификации индивида как армянина - в треугольниках, а индексы наднациональной и национальной идентификации самоидентификации - в квадратах.

Стрелки указывают на статистически значимые ассоциации между объектами. Направления стрелок указывают на направления влияния, которые определены на основе логики, здравого смысла и результатов исследования. Положительные ассоциации между объектами представлены жирными стрелками, а отрицательные ассоциации – обычными.

Модель может быть использована как подсказка при разработке как комплексных, так и секторальных стратегий, имеющих цель увеличения рождаемости посредством характеристик национальной идентификации и самоидентификации.

Некоторые аспекты модели требуют разъяснений.

Индикатор количества детей в семье родителей находится на самом верх-

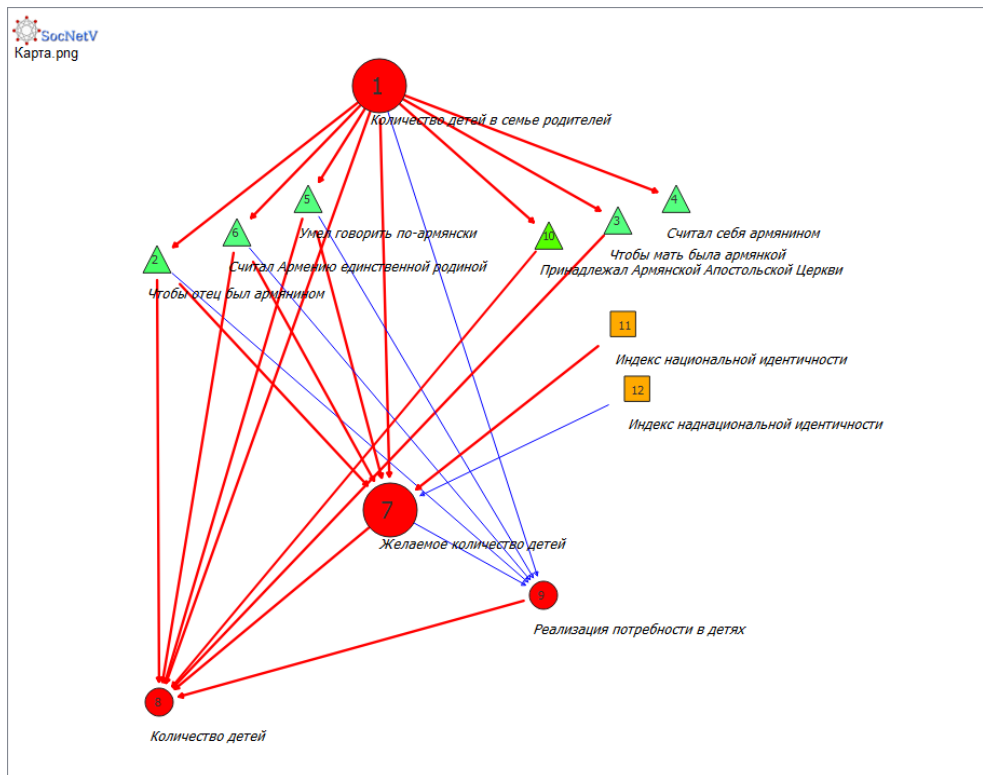
нем уровне модели, так как вбирает в себя изначальный контекст формирования и социализации личности (родительская семья). Этот контекст формирует у индивида установки на желаемое количество детей, а затем влияет на реальное количество детей в семье. Этот контекст также формирует установки индивида на условия идентификации другого индивида как армянина, а также на элементы его самоидентификации.

Условия идентификации другого индивида в качестве армянина (треугольники) формируют две группы, которые в модели пространственно разделены. Те условия, которые положительно влияют на желаемое количество детей, находятся слева, а те, для которых статистически значимые влияния не обнаружены – справа.

Для стратегического планирования важно помнить, что чем выше желаемое количество детей, тем ниже реализуемость потребности в детях. Это требует использования достаточно тонких подходов как при разработке, так и реализации стратегических планов, которые нацелены на повышение рождаемости с использованием элементов национальной идентификации и самоидентификации.

Следует также иметь в виду, что в конкретных стратегиях содержание факторов и условий может варьироваться при условии, что они останутся

инвариантными своему первоначальному содержанию в представленном анализе.

Диаграмма 12. Модель для стратегического планирования роста рождаемости с использованием элементов национальной идентификации и самоидентификации.

Литература

1. Форрестер Д. Мировая динамика. СПб.: Terra Fantastica, 2003. 379 с.
2. Медоуз Донелла Х., Медоуз Деннис Л., Рэндерс Й., Беренс В. Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991. 208 с.
3. Мкртчян А., Вермишян А., Баласанян С. Поколение независимости. Исследование среди молодежи. Армения 2016. – Ер.: Фонд Фридриха Эберта Армянский филиал, 2016. 232 с.

2. Meadows, Donella H; Meadows, Dennis L; Randers, Jørgen; Behrens III, William W (1972). The Limits to Growth; A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books.

3. Mkrtychyan A, Vermishyan A, Balasanyan S. Pokolenie nezavisimosti. Issledovanie sredi molodyozhi. Armenia 2016. [A generation of independence. Study among youth. Armenia 2016.]. – Yer.: Fond Fridriha Eberta Armyanskiy Filial, 2016. 232 st.

References

1. Jay Wright Forrester (1971) *World Dynamics*. Wright-Allen Press.

Поступила в редакцию 8 февраля 2019 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манукян Самвел Аршалуйсович

Кандидат социологических наук, эксперт, Центр общественных связей и информации.

E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

Samvel A. Manukyan

Candidate of Sociological Sciences, Expert, The Center of Public Relations and Information.

E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ РЕГИОНА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

УДК 316.74

**Трудовые мигранты из новых независимых государств
на российском рынке труда****В.И. Мукомель**

Институт социологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются социально-демографические профили и профили занятости трудовых мигрантов из стран СНГ и Грузии на российском рынке труда, распространенность среди них незаконной и неформальной занятости. Особое внимание уделяется условиям и оплате труда трудовых мигрантов, их мобильности на рынке труда.

Новации в российском законодательстве, вступившие в силу с 2015 года, а также процесс интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), существенно облегчили доступ к рабочим местам в России гражданам новых независимых государств пост-СССР. Доля нелегально работающих мигрантов снизилась по сравнению с предшествующими годами, что позитивно сказалось на оплате труда иностранных работников: легальная занятость стала оплачиваться лучше нелегальной. Однако сохраняется значительный разрыв в оплате труда мигрантов-женщин и мигрантов-мужчин, широко распространена неформальная занятость иностранных граждан, затрудняющая прогресс в области создания условий для достойного труда мигрантов.

Эмпирической базой исследования являются результаты социологических опросов мигрантов из государств СНГ и Грузии, проведенных в 2011 г. и в 2017 г. (соответственно, 7,4 тысячи и 8,0 тысячи респондентов, присутствующих на российском рынке труда).

Ключевые слова: мигранты; трудовые мигранты; рынок труда; безработица; виды экономической деятельности; занятия; трудовая мобильность; интенсивность труда; оплата труда, незаконная занятость; неформальная занятость.

Для цитирования: Мукомель В.И. Трудовые мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2, № 1(3). С. 44–57.

**Labour migrants from the newly independent countries
on the Russian labor market****Vlavimir I. Mukomel**

The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article discusses the socio-demographic profiles and employment profiles of migrant workers from the CIS countries and Georgia in the Russian labor market, the prevalence of illegal and informal employment among them. Special attention is paid to the conditions and remuneration of labor migrants, their mobility in the labor market.

Innovations in Russian legislation, which came into force in 2015, as well as the integration process within the Eurasian economic Union (EAEU), significantly facilitated access to jobs in Russia for citizens of the newly independent post-Soviet States. The share of illegal migrants has decreased compared to previous years, which has had a positive impact on the remuneration of foreign workers: legal employment has become better paid than illegal employment. However, there remains a significant pay gap between women and men migrants, and informal employment of foreign nationals is widespread, hampering progress in creating conditions for decent work for migrants.

The empirical base of the study is the results of sociological surveys of migrants from the CIS and Georgia, conducted in 2011 and 2017 (respectively, 7.4 thousand and 8.0 thousand respondents present in the Russian labor market).

Keywords: migrants; labour migrants; labour market; unemployment; economic activities; occupations; labour mobility; labour intensity; remuneration; illegal employment; informal employment.

For citation: Mukomel V.I. Labour migrants from the newly independent countries on the Russian labor market // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol 2, № 1(3). P. 44–57.

Introduction

Every year, about 5 million people come to Russia to work, the vast majority of them (4.7 million) come from the newly independent states of the post-Soviet space (GVMM 2019).

According to the Russian discourse, challenges associated with the social exclusion of migrants, threatening social stability and which cannot be stopped outside the framework of the policy of integration of migrants, are of particular importance.

There are no alternatives for the adaptation of those who are focused on temporary stay in the country and on integration who intend to link their future with Russia.

One of the most difficult areas of integration policy is the adaptation and integration of migrants in the labor market. This article focuses on the analysis of socio-demographic profiles, migrant employment profiles, illegal and informal employment, labor intensity and remuneration, labor mobility of migrants.

The study is based on sociological surveys of citizens of the CIS countries and Georgia conducted by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies (CEPRI) for the HSE under the supervision of the author in 2011 and 2017. The survey that was conducted in 2017 in 19 constituent entities of the Federation, which account for 2 / 3 legally located on the territory of the constituent entities of the Federation of foreign citizens and 4/5 with patents.

Foreign citizens were interviewed regardless of their legal status or ethnicity. At the regional level, the number of migrants was monitored for several of the most significant states of migrant citizenship for the region.

Below, we analyze data on migrants from the CIS countries and Georgia present in the Russian labor market, i.e. working or temporarily not working, but ready to start work at the time of the survey. (Accordingly, 8033 people in the

2017-survey and 7395 people in the 2011-survey).

The key problems that will be attempted to be resolved in this article are: who are labor migrants, what are their socio-demographic profiles and employment profiles by type of economic activity (RCEA, 2014) and occupation (RCO, {2014})? What are their working conditions and wages? How common are illegal and informal employment? What is their labor mobility?

Socio-demographic profiles

Most migrants are secondary educated. As a rule, they are young men, mostly married - Table 1.

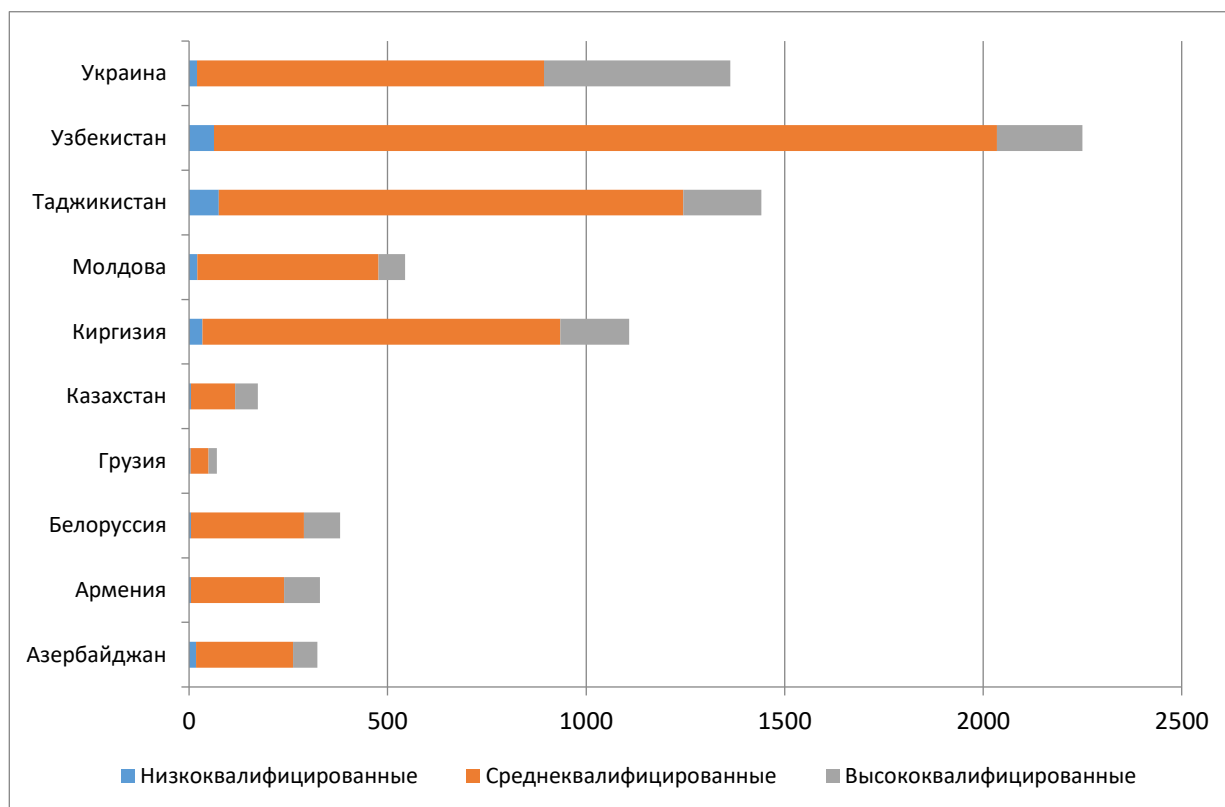
Labour migrants profiles.

Men predominate in all flows, except flows from Ukraine and Moldova: half of migrants from Moldova are women, and the majority of migrants from Ukraine are women too. At the same time, every fifth women among migrants is widowed or divorced, and every third is from Ukraine, Belarus and Moldova.

Women began to come more often in recent years. Women are older and more educated than men; more often than men they come from the capital and large cities of the country of origin. (Despite the widespread stereotype that mainly rural residents go to Russia to earn money, in reality many migrants are from capitals and large cities among migrants). The level of education of migrants is lower than Russians. The vast majority of labor migrants has secondary qualification (78.8%), highly skilled migrants - 18.1%, and low-skilled migrants are only 3.1%. There are many high-skilled migrants among visitors from Ukraine, Kazakhstan (every third), as well as Belarus (every fourth). Immigrants from these states account for 42.5% of all highly skilled migrants. Whereas Central Asian migrants make up 63.2% of middle-skilled workers and 68.8% of low-skilled workers - Figure 1.

Table 1. The main socio-demographic characteristics of labor migrants,%

Characteristics		Men	Women	Total
Age, years	Up to 20	2,6	1,6	2,3
	20-29	41,5	25,4	26,6
	30-39	29,5	30,1	29,6
	40-49	17,2	28,3	20,6
	50-59	8,6	12,7	9,8
	60 and older	0,7	2,1	1,131
Marital status	Never married	31,7	17,4	27,4
	Married (incl. Civil and religious)	64,3	60,3	63,0
	Widows, divorced	3,8	21,8	9,2
	Primary and incomplete secondary education	3,4	2,3	3,1
Education	Secondary general education	52,7	37,2	48,0
	Primary vocational education	6,6	6,7	6,6
	Secondary special education	22,5	27,5	24,0
	Higher, incomplete higher	14,7	26,2	18,1

Figure 1. The skill level of workers by country of origin

Most of the interviewed migrants are representatives of the Central Asian ethnic groups of the country of origin. At the same time, every 10th migrant is ethnic Russian - Figure 2.

Most migrants come to Russia to find work, which does not exclude side plans - to start a family, get an education,

educate children, etc. However, work is an undoubted priority - Figure 38

Employment profiles

Most migrants come to Russia to find work, which does not exclude side

⁸ All respondents, including economically inactive respondents who are not present on the Russian labor market (N = 8577)

plans - to start a family, get an education, educate children, etc. However, work is an undoubted priority - Figure 3⁹.

And the majority of respondents manage to realize their labor plans: 34.5% found a job, while another 46.1% got a well-paid job, and 6.4% got the qualifications and knowledge.

The vast majority of migrants present on the Russian labor market find work, but 10.0% of them are unemployed, looking for work and ready to start it. At the same time, migrants who first arrived in Russia (regardless of whether they worked at home or not) are most susceptible to unemployment, among whom 17.9% are unemployed.

Unemployment is a scourge of young migrants

However, among economically active migrant youth under 25 years old, the unemployment rate is lower (9.7%) than among older migrants, especially those over 35 years old (over 20%). This is due to the fact that among the youngest migrants, immigrants from Central Asian states prevail (78.1% of migrants) who agree to any work.

More often than not, unemployment among migrant women is higher than among men¹⁰. In the Russian case, the opposite is true: unemployment among women is lower than among men.

The thing is that migrant women have a serious bonus in the form of a better education: the proportion of women with higher and incomplete higher education is 26.2%, while only 14.7% of men have such an education; the percentage of women with specialized secondary education is also higher than that of men (27.5% versus 22.5%).

⁹ All respondents, including economically inactive respondents who are not present on the Russian labor market (N = 8577)

¹⁰ OECD (2019), Foreign-born unemployment (indicator). doi: 10.1787 / ba5d2ce0-en (Accessed on 22 July 2019). OECD data are for those born abroad, including those who had citizenship of the country of residence

Underemployment of migrants is not a characteristic of the Russian labor market: only 2.6% of respondents said that they work less than 30 hours a week (which is an order of magnitude less than in the EU or OECD)¹¹. Underemployment among women is slightly higher than among men - 4.0% and 2.0%, respectively. As a result, underemployment is more common in typically female types of economic activity - household activities, the provision of communal, social and personal services, hotel and restaurant businesses.

Young migrants are more likely to be unemployed than their Russian peers (Labor ... 2018: 134. Firstly, it is explained by the fact that more educated Russian youth are more demanding on the nature and remuneration of labor and are not inclined to accept the vacancies that young migrants occupy. Secondly, young Russians, most of whom can rely on financial support from their parents, have a certain "airbag" that allows them to miss the first job they come across.

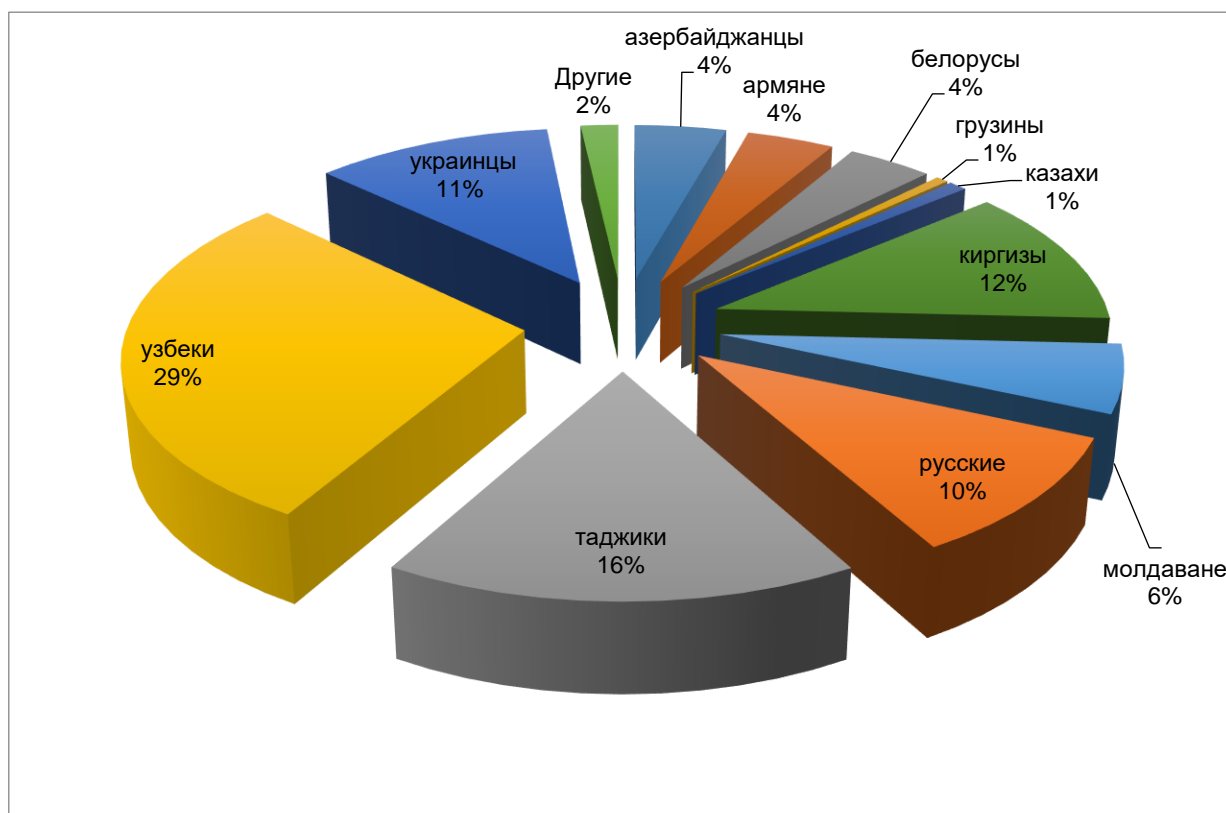
At the same time, unemployment is highest among low-skilled migrants (13.6%) and minimal among middle-skilled workers - 9.6%.

Half of the migrants are engaged in wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and household products, as well as in construction, another 36.0% - in every seventh migrant worker - in municipal, social and personal services, household activities, in the hotel and restaurant business, transport and communications, other types of economic activities. The areas of migrant employment are changing and more and more migrants are occupying jobs in which the employer has high demands on the employee: predictability of daily work, language skills, and teamwork.

¹¹ Accordingly, 25% and 19% in 2012-2013. (OECD (2015). Indicators of Immigrant Integration 2015. Settling In.p. 112. DOI: <https://dx.doi.org/10.1787/9789264234024-en>)

It seems that the employment of foreign workers is diversifying: compared with the 2011 survey, a decrease in employment in trade, in construction, in the hotel and restaurant business was accom-

panied by an increase in employment in households, manufacturing, and other types of economic activity.

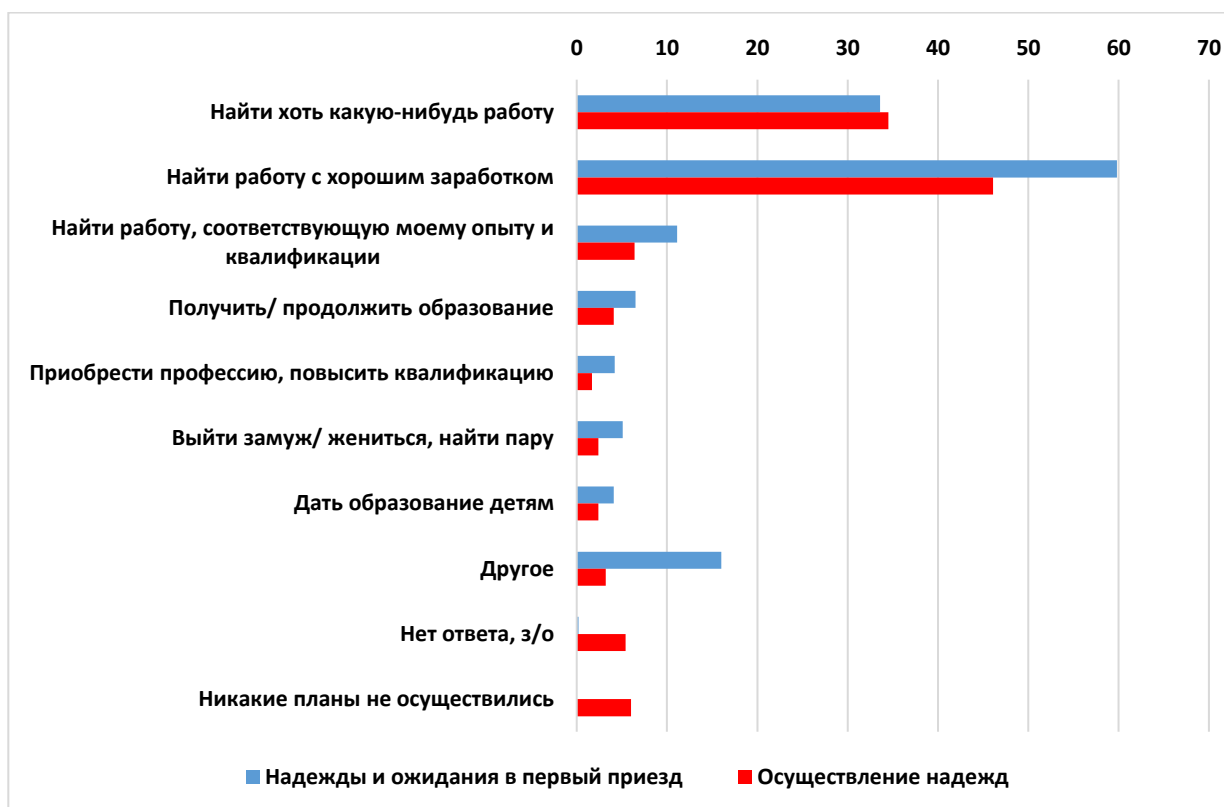
Along with the main areas of employment, which trade and construction are among migrant men, men are also widely represented in the public utilities, transport and communications - Figure 4. Moreover, compared with 2011, the 2017 survey showed a sharp decrease in the share of men employed in construction - by 27.5% compared to 2011.

Compared to 2011, the share of women employed in trade (by 7.0%), hotel and restaurant business (by 11.9%) decreased, but employment in other utilities, social and personal services, and household activities increased.

The types of economic activity of migrants, as well as Russians, are gender-oriented (Figure 4). Male migrants predominate in construction, transport and communications, where their share is over 90%, women make up the majority in education, health care.

Areas of possible employment for women (cleaning, maintenance) provide a very small space for possible professional growth and women are usually less demanding when choosing a job. It is especially difficult for women over 35 to find work: in the age group of 40-44 years, for example, 14.6% of women are looking for work, compared to 8.9% among men of the same age.

Young unmarried girls have more opportunities to get married than married women: firstly, these are the requirements of employers in the service sector: good knowledge of the Russian language, age under 30, "good looks"; secondly, a young, often unmarried girl, may settle for an uncomfortable moving schedule. Older women often lose the opportunity to settle legally and can only hope for informal part-time jobs.

Figure 3. Hopes and expectations associated with coming to Russia, and their implementation, % of respondents

There are certain differences in the types of economic activities of long-term (staying in Russia for more than a year), short-term / circular migrants, as well as those who have just arrived and started working in Russia for the first time. If long-term migrants are uniquely concentrated in trade, construction and transport are also attractive for circular migrants — activities that allow them to regularly travel to their homeland and family. In construction, for example, more than half of the workers are circular, short-term migrants.

Newcomers to the Russian labor market - many of them are graduates of educational institutions - occupy "poor" jobs that do not impose serious requirements on the qualifications and education of workers: more than half of them work as unskilled workers. It is difficult for them to get jobs that require a projected employee to appear in the workplace over an extended period of time.

These are transport and communications, health care, education, household

activities (excluding construction and repair work), partly trade. First-time arrivals are more often seen at workplaces that do not present such requirements for an employee: utilities, agriculture.

The main occupations (professional and job groups) of most migrants, regardless of their qualification level, are occupations that require an average level of qualification - groups 4-8 according to ISCO-08. (Table 2).

The most represented on the Russian labor market are service and trade workers - 30.3% of working migrants.

It is paradoxical that every seventh highly skilled migrant and more than a third of middle-skilled workers are employed in jobs that do not require their qualifications, and half of low-skilled workers — for whom these jobs are intended — are employed where their qualifications are insufficient. And this despite the fact that the requirements for the qualification of an employee are most important for classes where managers, specialists of higher and secondary qualifica-

tions are in demand. The qualification of a foreign applicant for a managerial position is important for 15.8% of employers, for a candidate for a specialist position - for 20.1% of employers. (In the second and third places, with a wide margin - the level of knowledge of the Russian language and the availability of permits for work)¹².

Almost 2/3 of labor migrants are engaged in physical labor. Moreover, 76.0% of the labor migrants surveyed work in small enterprises.

Illegal and informal employment

A significant part of working migrants do not have legal grounds for engaging in labor activity. The share of those working without legal grounds in households is very high - 49.2%, agriculture - 39.2%, and few - in the education system, where there is especially tight control not only from the competent authorities, but also from the public (11, 7%). Despite the relatively small share of undocumented persons in trade (28.1%), almost every third migrant with an unregulated legal status in the labor market works in this area (32.9%), among other types of economic activity in which illegal migrants - construction (15.6% of illegal labor migrants), utilities (12.2%) and household activities (12.0%).

The most common illegal employment in micro and small enterprises. In micro-enterprises with up to 10 employees, 34.1% work without legal grounds. In large enterprises, where the problem is stricter and which are more strictly controlled, the share of illegal workers is minimal - 18.4%. But, taking into account that the majority of foreign workers are concentrated in small business, illegal employment is also concentrated here: 57.2% of the surveyed workers with un-

regulated legal status work in microenterprises, and 22.2% work in small enterprises.

Most often immigrants from Georgia, Moldova, Azerbaijan, and Uzbekistan work illegally. Only in exceptional cases are illegal migrants from Belarus working, and not so often migrants from the EAEU countries who enjoy preferences on the Russian labor market under the agreements of the EAEU member countries.

Along with illegal employment, informal employment is widespread when relations with the employer are not documented, or the employee is self-employed without registration of a legal entity. (Informal employment is not a phenomenon that affects only foreigners; informal employment is also widespread among Russian workers (Gimpelson and Zudina 2011; Radaev 1999). 2/5 of employed migrants work on the basis of verbal agreements with the employer, or are self-employed; even among 37.5% of those legally employed. In the most common activities, the practice of hiring on the basis of an oral agreement is more common (44.6% of migrants work in such agreements in construction, among workers 49.5% of those who trade, and 68% of those who render housekeeping services. At the same time, informal employment is practically excluded in the field of education and health care, where 9/10 foreigners work on the basis of contracts. Relatively low characteristics of informal employment in communal and social services, although many written contracts of labor migrants with employers are void.

The informal zone is small business. Among those working in microenterprises with up to 10 employees, 54.9% of migrants work on the basis of verbal agreements with the employer.

The use of social networks because of trust in them is characteristic of both migrants when looking for work, and also for the relations of a migrant worker and employer. The usual pattern of behavior based on social ties, rather than on the

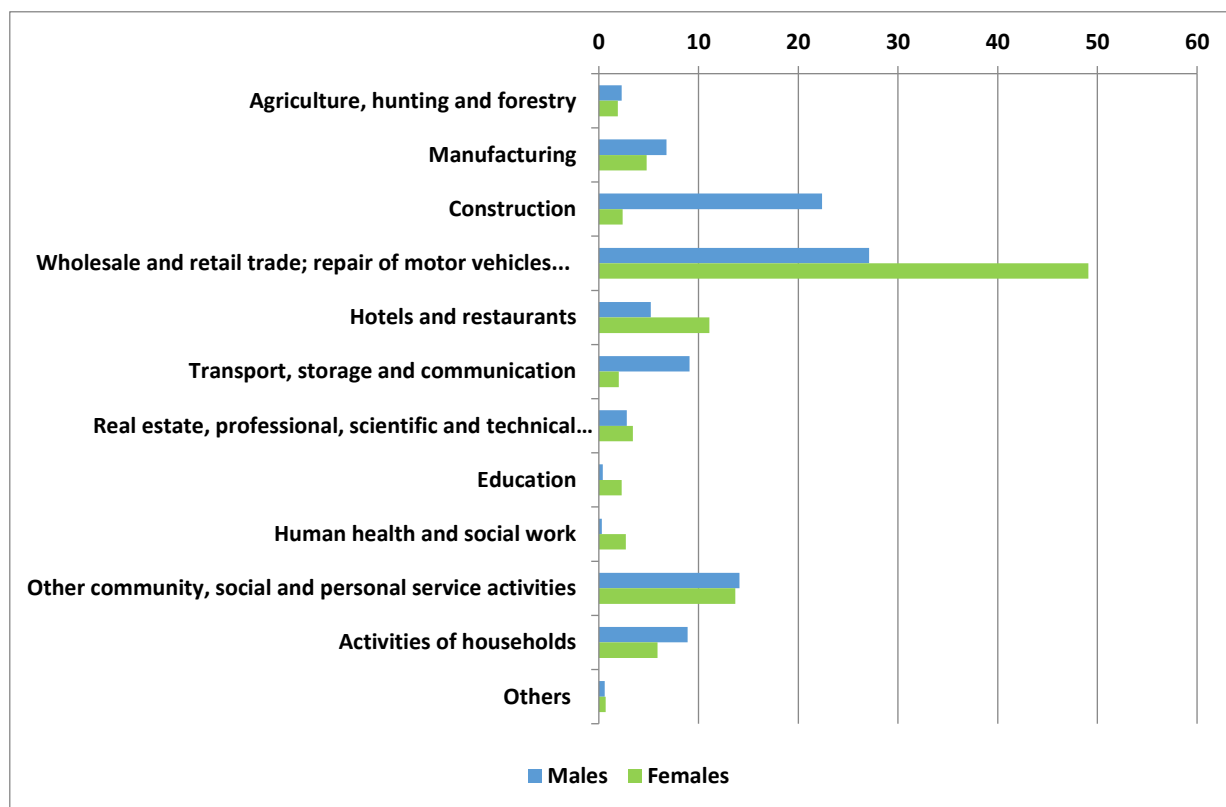
---

¹² A CEPRI survey for the needs of the Higher School of Economics was conducted in 2017, representatives of 1,570 enterprises that differ in the legal form, types of economic activity and size of the enterprise were interviewed.

formal foundations of interaction, is characteristic of the post-Soviet space, which creates a kind of “community” of visitors and “locals” and, along with language, serves as a factor of Russia's attractiveness for migrants from the CIS countries.

Informal employment is most common among workers from Azerbaijan,

Georgia and Moldova. Most often, immigrants from Kazakhstan and Kyrgyzstan draw up their relations with the employer, using certain preferences in the Russian labor market - Figure 5

Figure 4. Distribution of labor migrants of different sexes by type of economic activity, % of respondents

Table 2. Occupations of migrants of different skill levels, %

Class groups, ISCO-08	Highly skilled migrants	Medium Skilled Migrants	Low skilled migrants	Total
1. Executives	2,1	0,5	-	0,8
2. Professionals	10,4	0,5	-	2,2
3. Специалисты	6,9	2,1	2,2	2,9
4. Specialists	6,4	1,4	...	2,3
5. Service and sales workers	38,0	28,8	25,9	30,3
7. Skilled workers	15,5	23,2	17,7	21,6
8. Machine and plant operators	6,3	7,7	3,4	7,3
9. Unskilled workers	14,4	35,8	50,0	32,4
Total	100,0	100,0	100,0	100,0

Note: without a small group of 6 - skilled agricultural workers

The formalization of labor relations is often not prerequisite even for highly skilled migrants, who believe that trust and personal ties are the best guarantees of higher earnings in informal employment. (Informal employment also has its advantages - more job opportunities and, sometimes, higher pay).

Informal employment and employment of foreigners without legal grounds, the result is not so much of their "profitability" for the employer and employee as the imperfection of the legislation and, especially, its enforcement. It is often unprofitable for an employee to legalize due to a dilemma: either to spend considerable money and time, buying a patent and related documents, or to save both money and time by working illegally. Lack of legal grounds for work, coupled with informal employment, contribute to the overuse of migrant labor.

Intensity and remuneration

Migrants are oriented to earnings regardless of the work schedule and working conditions, work intensively, with an irregular schedule. The average working week of working migrants is 59 hours, and legal workers work even more.

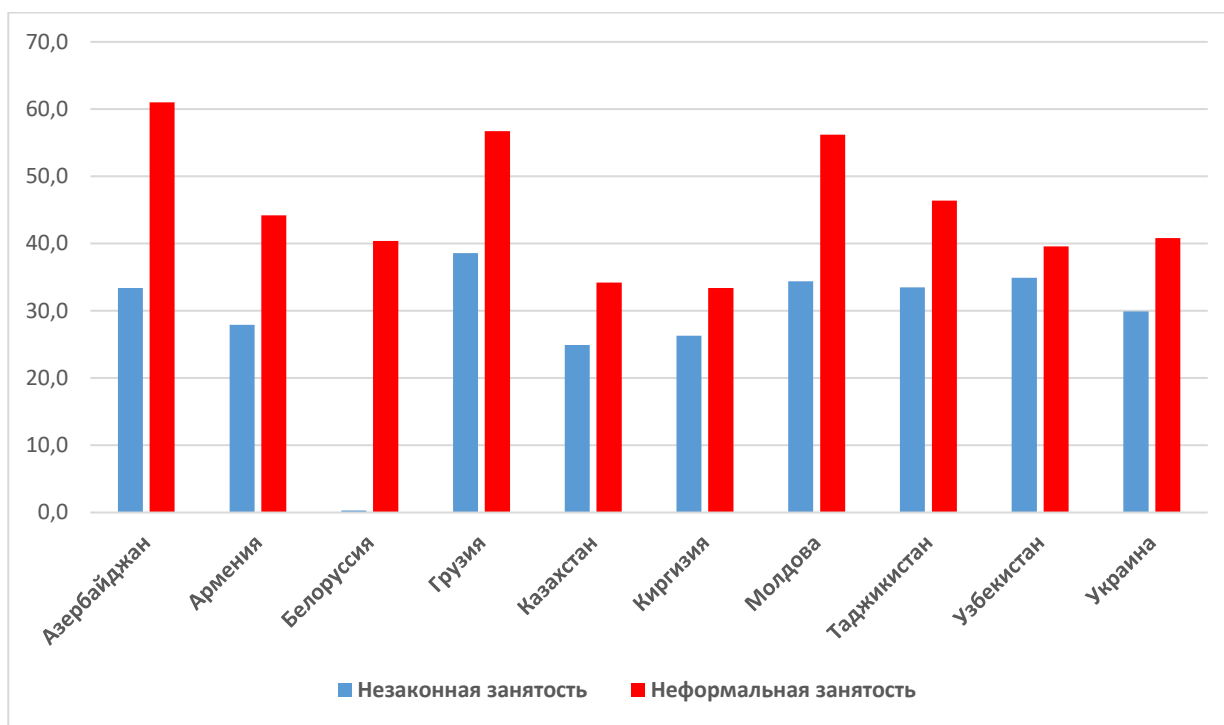
Most people work in trade, transport, catering and hotel business (over 60 hours), least (43 hours) in education. At the same time, the duration of the working week is inversely proportional to the size of the enterprise and maximum at enterprises with the number of employees up to 10 people - 61 hours. (A survey of migrants and Russian workers employed at the same jobs showed that the regime and duration of labor of migrants can significantly differ from the corresponding characteristics of Russian workers, both due to discrimination of the first and because of the different priorities of these two groups of workers: more important for migrants earnings for the sake of which they can sacrifice both conditions, character and duration of labor (TsSTP, 2013).

There is also forced labor. Moreover, the bulk of migrants consciously go to work hard for the sake of earning. The situation of

many migrants, in particular circular ones, who come to Russia after a break and re-search for a job, is characterized by uncertainty and legal insecurity. Only those who appeared on the Russian labor market are in an even more difficult situation.

Migrant forms of forced labor are more often encountered by migrants than Russians: 21.1% of migrants and 15.0% of Russians faced deception about working conditions, while 21.1% of migrants and 13, forced to work additionally under the threat of dismissal, 1% of Russians, under the threat of non-payment or incomplete payment of salaries - 20.5% of foreigners and 13.1% of Russian workers, forced to work off debts, travel, etc. - 9.3% of migrants and 4.6% of Russians. At the same time, internal migrants are just as often confronted with these types of forced labor as foreigners: 25.0% of "regionals" and 14.5% of pendulum migrants are familiar with deception about working conditions, with additional work under threat of dismissal - 17.3% "Regionals" and 12.2% of pendulum migrants, non-payment or incomplete payment of salaries - 17.9% of "regionals" and 24.4% of pendulum migrants, with compulsion to work out debts - 6.1% of regionals and 9.8% of pendulum migrants. Visitors are more likely to encounter forms of forced labor such as deception about working conditions and job duties when they are invited to work than even illegal migrants (TsSTP 2013; Grigoryeva, Mukomel, 2014).

Low earnings are typical for educators (23.9 thousand rubles per month), utilities, social and personal services - 26.0 thousand rubles. The labor of builders and those employed in households, which are characterized by uncomfortable working conditions and / or an uncomfortable work schedule, is relatively well paid. And the most earned are the few groups engaged in financial activities, mining, production and distribution of electricity, gas and water, public administration and mandatory social security - Table 3.

Figure 5. The share of workers illegally and informally employed in the Russian economy, by exit country, %

At the same time, labor intensity is paid for: although workers in education receive less than other migrants, they work less intensively. As a result, their hourly wages are above average - Table 4.

However, significant differences remain in the hourly wages of men and women - on average, by 13.4%. The difference is particularly great in the payment of women and men in health care (1.7 times), agriculture, manufacturing, and education (1.3 times). Although in a number of types of economic activity women receive even a little more than men: in construction; real estate operations, equipment rental, science, engineering, IT; the provision of communal, social and personal services; household activities.

Labor remuneration directly correlates with the size of the enterprise: if at microenterprises up to 10 employees it is 29.3 thousand rubles, then at large enterprises - 32.8 thousand rubles.

Moreover, legally working migrants receive an average of 10% more without permits - Figure 6.

There is a direct relationship between the remuneration of legally employed and illegally employed among

workers from all countries. (With the exception of Belorussian citizens who have the same rights on the labor market as Russian citizens; the percentage of Belorussian migrant workers working without legal grounds is scanty - as a rule, they did not register at the place of residence / residence).

After the latest innovations in migration legislation that came into force in 2015 and its enforcement, the legal nature of labor has become explicitly and fairly significantly paid, unlike the previous period. (The 2011 survey did not record a difference in the pay of legal and illegal labor migrants, and in certain types of economic activity illegal migrants were paid even better than those with work permits).

Both employers and respondents noted that the remuneration of Russians and foreigners is the same (this is mentioned by 48.6% of Russians and 45.7% of migrants), however, a significant part of respondents said that Russians have higher salaries (respectively, 34.7% of Russian workers and 37.2% of foreigners), only 3.6% of Russians and 3.2% of migrants believed that foreigners had higher sala-

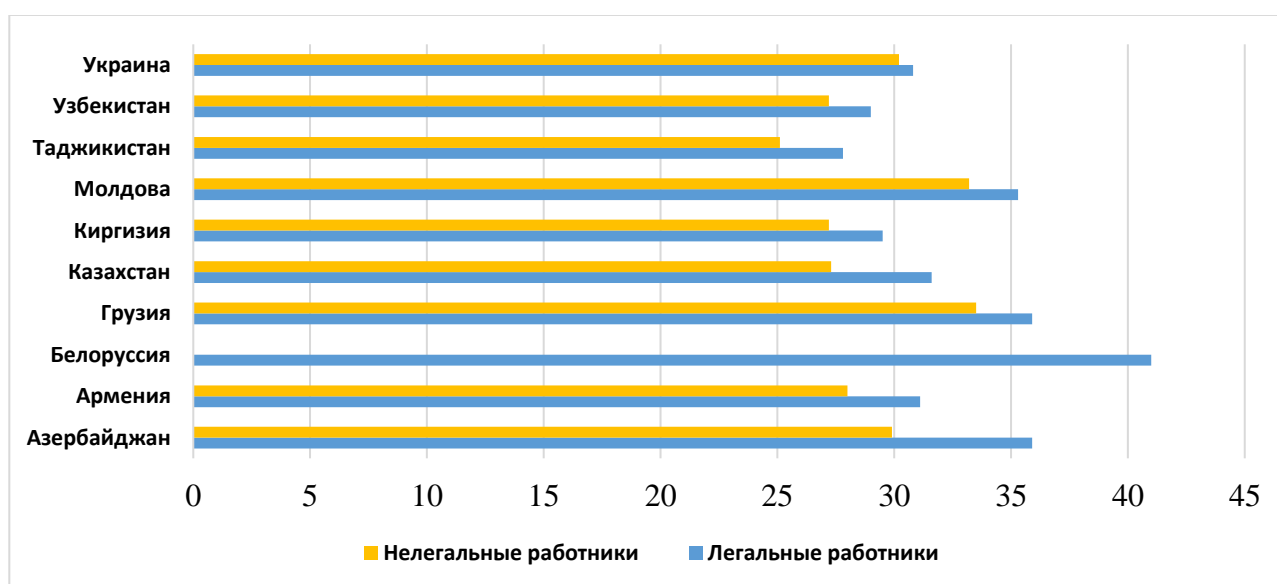
ries. (13.1% of Russians and 13.9% of migrants found it difficult to answer).

There are objective circumstances: migrants have significantly less experience in working at a particular enterprise than Russians, lower educational attainment margins, as well as lower levels of education among migrants play an

important role in the fact that their wages are lower than local workers. However, the hourly rates of workers employed in similar jobs do not differ in favor of migrants (TsSTP 2013; Grigoryeva, Mukomel 2014).

Table 3. Remuneration and duration of the working week by type of economic activity, % of respondents

	Salary per month, thousand rubles	Hourly wages, rubles	The duration of the working week, hours
A Agriculture, hunting, forestry	27,4	140,1	53,6
C Manufacturing	29,6	140,4	51,7
F Building	34,7	153,5	58,2
G Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles	28,9	120,5	62,4
I Hotels and restaurants	30,2	137,7	60,0
I, J Transport, storage and communications	33,1	136,1	61,3
L, M Real estate operations, equipment rental, science, engineering, IT	30,0	138,3	56,6
P Education	23,9	140,0	43,0
Q Health and social services	27,9	135,5	54,3
S The provision of other utility, social and personal services	26,0	112,9	59,1
T Household activities	32,0	156,8	56,1
Total	30,1	133,1	59,1

Figure 6. The average monthly salary of legal and illegal workers by country of exit, thousand rubles

There is a direct relationship between the remuneration of legally employed and illegally employed among workers from all countries. (With the exception of Belorussian citizens who have the same rights on the labor market as Russian citizens; the percentage of Belarussian migrant workers working without legal grounds is scanty - as a rule, they did not register at the place of residence / residence).

After the latest innovations in migration legislation that came into force in 2015 and its enforcement, the legal nature of labor has become explicitly and fairly significantly paid, unlike the previous period. (The 2011 survey did not record a difference in the pay of legal and illegal labor migrants, and in certain types of economic activity illegal migrants were paid even better than those with work permits).

Both employers and respondents noted that the remuneration of Russians and foreigners is the same (this is mentioned by 48.6% of Russians and 45.7% of migrants), however, a significant part of respondents said that Russians have higher salaries (respectively, 34.7% of Russian workers and 37.2% of foreigners), only 3.6% of Russians and 3.2% of migrants believed that foreigners had higher salaries. (13.1% of Russians and 13.9% of migrants found it difficult to answer).

There are objective circumstances: migrants have significantly less experience in working at a particular enterprise than Russians, lower educational attainment margins, as well as lower levels of education among migrants play an important role in the fact that their wages are lower than local workers. However, the hourly rates of workers employed in similar jobs do not differ in favor of migrants (TsSTP 2013; Grigoryeva, Mukomel 2014).

Labor mobility

Two-thirds of migrants with work experience in their homeland, upon arri-

val in Russia, change the type of economic activity. On the one hand, some types of economic activity, for example, agriculture, are not only not of interest to labor migrants, but they also have limited demand for labor. On the other hand, in some types of economic activity, there is a direct ban on hiring foreigners. It is very difficult to get a job in Russia in the specialty of migrants who worked in the homeland in healthcare or in education. Most often, this is associated with work that does not require their qualifications and / or lower wages than in other sectors. As a result, only 8.5% of those working in the field of education and 22.0% of former health workers continue to work in these areas in Russia. The rest are employed mainly in trade (35.0% of those who worked in healthcare, 39.3% of those who worked in the education system), public services and social services (12.0% of former health workers and 14.9% of education).

They were least inclined to change the type of activity that worked before arriving in Russia in attractive and competitive areas of employment: in trade, construction, hotel and restaurant business, and households. Relatively rarely do the sphere of employment change and those unskilled workers who worked in the public services in their homeland and continue to work in this field in Russia - 42.5%.

The specific skills and knowledge that migrants possessed in a particular type of activity before arriving in Russia are not always in demand. Similarly, the education and qualifications of an employee and 2/3 of migrants with work experience before arriving in Russia do not find adequate demand in the Russian labor market and change their occupations.

Although only 3.3% have low qualifications, unskilled workers began to work an order of magnitude more migrants - 40%.

The most difficult thing is for migrants who do not have work experience

before arriving in Russia. But the presence of such experience is not a guarantee of a good job. If in the homeland more than a quarter of migrants took the places of leaders, specialists of higher and secondary qualifications, in Russia - less than 8%. A typical trajectory of migrants who have just arrived in Russia is employment at a less prestigious job, compared to what they occupied in their homeland. However, as they adapt, some migrants manage to return to jobs that correspond to their level of qualification and professional training due to the fact that they leave jobs that have lowered requirements for their qualifications¹³.

Conclusion

Refusal to quote work permits, a transparent system of work patents for migrants from countries with a visa-free regime, expanding the rights of workers from the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) and other reasonable measures that simplify the procedure for foreign workers to access the labor market, for the most part implemented since January 1, 2015, contributed to the legalization of labor migrants. However, the simultaneous increase in the cost of patents, the introduction of additional legalization procedures for the employee, which followed in 2017-2018. the increased responsibility of legal entities and individuals for fictitious registration of foreigners and other similar measures

¹³ Most workers from the CIS countries are limited in their ability to change jobs in Russia. Citizens of Belarus, as well as all foreigners holding a residence permit, enjoy the rights of Russian citizens on the labor market, while a temporary residence permit limits the choice of place of work to the region where this document is issued. In the worst situation are those who are not citizens of the EAEU countries, who not only cannot work outside the borders of the subject of the Russian Federation in whose territory the patent is issued, but also by profession, which does not correspond to that indicated in the patent. In addition, regional authorities may impose additional restrictions on them by prohibiting the grant of patents for certain professions.

have complicated the further legalization of labor migrants.

Along with illegal employment, informal employment is widespread, especially in the field of household services, in trade and construction - types of economic activity with the worst working conditions and its payment. Migrant women are in a particularly difficult situation, whose labor in the Russian labor market is paid less than that of men.

The first job in Russia, as a rule, does not correspond to the professional training of migrants who are forced to agree to any job. A typical trajectory of migrants who have just arrived in Russia is employment at a less prestigious job, compared to what they occupied in their homeland. A change of workplace in Russia contributes to upward mobility: as it adapts, some migrants manage to return to jobs that correspond to their level of qualification and professional training. However, there is a minority group: downward vertical mobility is typical for all contingents of migrants.

Creating conditions for decent work of foreign workers, including the elimination of barriers to horizontal and vertical labor mobility of migrants, should be one of the priorities of migration policy.

Литература

1. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. (2011). Неформалы в российской экономике: сколько их и кто они? Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. Дом Высшей школы. Препринт WP3/2011/06
2. ГУВМ (2019). Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2018 года с распределением по странам мира. Главное управление по вопросам миграции МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/>
3. Григорьева Ксения, Мукомель Владимир (2014). Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель - М.: Московское бюро по правам человека, "Academia".
4. Радаев Вадим (1999). Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию

неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос.

5. RCEA (2014). Russian Classification of Economic Activities. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/.

6. RCO (2014). Russian Classification of Occupations. ОК 010-2014 (ISCO-08). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/.

7. ЦСТП (2013). Центр социально-трудовых прав. Краткий аналитический отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Анализ практик трудовых отношений иностранных граждан (трудовых мигрантов) и их влияния на трансформацию трудовых отношений российских граждан». URL: http://trudprava.ru/images/events/КругСтол%20ммигранты%2016.09.2013/Отчет_мигранты-2.pdf.

8. OECD (2015). Indicators of Immigrant Integration 2015. *Settling In*. DOI:<https://dx.doi.org/10.1787/9789264234024-en>.

9. OECD (2018). International Migration Outlook 2018. OECD Publishing. Paris. URL: https://doi.org/10.1787/migr_outlook-2018-en.

10. OECD (2019), Foreign-born unemployment (indicator). doi: 10.1787/ba5d2ce0-en

References

1. Gimpelson V.E., Zudina A.A. (2011). Neformaly v rossiyskoy ekonomike: skol'ko ikh i kto oni? [Informals in the Russian economy: how many of them and who are they?] Nats. issled. Un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». [Higher school of Economics] - M.: Izd. Dom Vyshe-y shkoly. Preprint WP3/2011/06, Moscow

2. GUVM (2019) Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/>

3. Grigorieva K, Mukomel V (2014) Migranty i rossiyanе na rynke truda: usloviya, rezhim truda, zarabotnaya plata [Migrants and Russians in the labor market: conditions, labor regime, wages]. Moscow: Moskovskoye byuro po pravam cheloveka, "Academia".

4. Radayev V. (1999) Neformal'naya ekonomika i vnekontraktnyye otnosheniya v rossiyskom biznese. Podkhody k issledovaniyu neformal'noy ekonomiki [Informal economy and non-contractual relations in Russian business. Approaches to the study of the informal economy]. In T. Shanin. Moscow: Logos.

5. RCEA (2014). Russian Classification of Economic Activities. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/.

6. RCO (2014). Russian Classification of Occupations. ОК 010-2014 (ISCO-08). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/.

7. TSSTP (2013) Available at: http://trudprava.ru/images/events/КругСтол%20мигранты%2016.09.2013/Отчет_мигранты-2.pdf.

8. OECD (2015). Indicators of Immigrant Integration 2015. *Settling In*. DOI:<https://dx.doi.org/10.1787/9789264234024-en>

9. OECD (2018). International Migration Outlook 2018. OECD Publishing. Paris. URL: https://doi.org/10.1787/migr_outlook-2018-en.

10. OECD (2019), Foreign-born unemployment (indicator). doi: 10.1787/ba5d2ce0-en

Поступила в редакцию 5 марта 2019 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мукомель Владимир Изявич

Доктор социологических наук

Руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии Российской академии наук

E-mail: mukomel@isras.ru

Vladimir I. Mukomel

Doctor of sociology

Head of the sector of migration and integration studies at The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

E-mail: mukomel@isras.ru

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 316.74

Национальные цели и стратегии образования в Дагестане

А.З. Залибекова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), филиал в г. Махачкале, Россия

Аннотация: В статье показано, что цели и стратегии дагестанского национального образования зависят от исторических, этнических, религиозных традиций и ценностей. Рассмотрены несколько методологических подходов, в совокупности образующих общую методологию достижения данной цели. Предпочтение отдано социокультурной парадигме образования, в которой образование предстает как способ воспроизводства человека в культуре.

Изучены законодательные основы целей и стратегии дагестанского национального образования, подготовленные Министерством образования и науки РД, в которых выделены ряд пунктов, развивающих и перестраивающих образование в зависимости от региональных социокультурных ценностей в плане их реализации до 2024 года. Проанализирован вариант спектра перспективных культурно-образовательных идеалов и ценностей входящих в регион народов.

Ключевые слова: образование; образовательные парадигмы; культура; ценности; методология; законодательство.

Для цитирования: Залибекова А.З. Национальные цели и стратегии образования в Дагестане // Caucasian Science Bridge. 2019. Том 2, № 1(3). С. 60–68.

National education goals and strategies in Dagestan

Aigul Z. Zalibekova

Rostov State Economic University, branch in Makhachkala, Russia

Abstract: The article shows that the goals and strategies of Dagestan national education depend on historical, ethnic, religious traditions and values. Several methodological approaches are considered, which together form a common methodology towards this goal. Preference has been given to the socio-cultural paradigm of education, in which education appears as a way of human reproduction in culture.

The legislative bases of the goals and strategies of Dagestan national education, prepared by the Ministry of Education and Science of the Republic of Dagestan, have been studied, which highlighted a number of items that develop and restructure education depending on regional socio-cultural values in terms of their implementation until 2024. The variant of a spectrum of perspective cultural and educational ideals and values of the people entering the region is analyzed.

Keywords: education; educational paradigms; culture; values; methodology; legislation.

For citation: Zalibekova A. Z. National education goals and strategies in Dagestan // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol 2, № 1(3). P. 60–68.

Введение. Цели и стратегии образования в том или ином регионе не могут быть отделены от более общих тенденций и закономерностей развития образования - в мире, на континенте, в стране, округе. Они также зависят от исторических, этнических, религиозных традиций и ценностей. Поэтому для рассмотрения региональных целей и стратегий образования необходимы несколько методологических подходов, в совокупности образующих общую методологию данной статьи.

Парадигмальный подход в методологии осмысления образования.

В философской рефлексии образования особое место занимают парадигмальные подходы к современному образованию и к его истории. В разрезе исторического рассмотрения можно рассуждать о гуманитарной, политехнической и социокультурной парадигме (Добреньков, 2003. С. 281), обозревающей состояние дел в европейском образовании за весь период его существования. Первая парадигма доминировала с древнегреческой культуры до Нового времени и эпохи Просвещения. Смысл образования в этот период сводился к изучению духовного мира че-

ловека, его предназначения и счастья. Начало политехнической парадигме положило развитие капитализма с его научно-техническими революциями и развиваясь некоторое время параллельно с гуманитарной парадигмой ставила целью профессиональной деятельности в условиях промышленного общественного производства. Эти две парадигмы породили и сегодня питают достоинства социокультурной парадигмы, пытающейся уйти от их односторонностей. В этой парадигме «образование, как способ воспроизводства человека в культуре, предполагает не только освоение дидактически преобразованного социального опыта и развитие личности на этой основе, но и сотворение образа мира и своего образа в этом мире. Решение каждой из этих задач взаимообусловлено социально-духовным феноменом образования» (*Социокультурная парадигма ...*, 2019). Образование становится «многомерным», сориентированным на «те ведущие ценности, которые поддерживают целостность и преемственность культурного бытия индивида и социума» (*Долженко, 2003. С. 263*).

С этим логическим делением образования на парадигмы в той или иной степени перекликается подход, при котором в истории образования выделяются просвещение – модерн – постмодерн. Эти культурно-исторические парадигмы также соответствуют качественным изменениям культурных целей, ценностей, принципов и идеалов образования (*Крылова, 1997. С. 185*).

Такая методология рассмотрения образования в зависимости от социокультурных ценностей не исключает учет экономических и политических факторов. Она лишь подчеркивает доминирование культурных оснований, целей и принципов образования и их инвариантный характер как целостного способа деятельности педагогического сообщества в ту или иную историческую эпоху.

Национальные цели и стратегии дагестанского образования. Каковы же современные национальные цели и стратегии образования в Дагестане? Осмысленные выше модели образования не покрывают ни один исторический период развития образовательного пространства Дагестана, поскольку даже советский период не обладает единством культурных оснований для его оценки как некоей целостности. Известный советский и российский исследователь культуры Г. В. Драч отмечает, что современное состояние этноса, опредмеченное в различных формах культуры, демонстрирует мир «оживших предметов» преданий и символов, обычаев и ценностей далёкого прошлого, позволивших этносу пережить века и тысячелетия, адаптируясь к новой технологической и социальной среде и обеспечить свою причастность к изменившемуся миру (*Драч, 2018. С. 53*) Какова же дагестанская этнокультура как культурный опыт освоения определенной территории за последние тысяче лет? Вот, что пишет специалисты – ученые. «...Веками приобщались дагестанские этносы к исламской культуре, синтезировавшей достижения египтян, персов, иракцев..., а через них древних индийцев, китайцев, греков... Не успела эта культура стать единой духовной субстанцией для дагестанцев, как на них предъявила свои притязания новая, набравшая историческую силу цивилизация в лице России. Опять с бытийно значимыми цивилизационными достижениями – великий язык культуры и науки, светское образование, техника, железные дороги и индустрия... Русская культура, а затем светская советская культура открыли Дагестану просторы европейской и мировой культуры, но опять мы догоняли... Но не за горами (или за горами?) уже новая цивилизация – техногенная, информационное общество и компьютерные технологии. А мы все это опять не

подкрепили культурой...» (Билалов, 2017. С. 146).

Если предложенная выше методология подчеркивает доминирование культурных оснований, целей и принципов образования и их инвариантный характер как целостного способа деятельности педагогического сообщества в ту или иную историческую эпоху, то в противоречивой и не устойчивой во времени культурно-религиозной истории Дагестана весьма непросто сосредоточиться на той или иной парадигме образования.

Тем не менее наиболее продолжительный во времени период относительной культурной целостности – это мусульманская культура. Первые медресе возникли в Дагестане более тысячи лет назад - в конце XI века и со временем они были почти в каждом крупном селении. В Дагестане в частных руках веками накапливалась восточная богословская литература, научные источники по различным областям знаний. Обычной практикой было изучение таких всемирно известных трудов как энциклопедия естественных знаний мусульманского мира арабского историка Табари, «Оживление веры» аль - Газали, «Начала» Евклида и др.

Образование в тот период функционировало в форме мусульманской школы, достаточно распространенной даже в высокогорных аулах. Курс мусульманского образования в Дагестане наряду с богословием, включая такие дисциплины, как законоведение, логика, риторика, грамматика и стилистика арабского языка, учение о стихосложении, алгебра, астрономия, география и др. было «доступно каждому горскому мальчику» (Магидов, 1998. С. 12).

Первое дагестанское русское учебное заведение возникло в 1837 году - уездное училище в г. Дербенте. Вообще, присоединение Дагестана к России было первым переломным моментов в истории просвещения и образо-

вания в крае. В 1861-1862 гг. русские школы были открыты в Ахтах, Кумухе, Темир- Хан-Шуре, Карабудахкенте, Дербенте. В 1871 г. в них обучалось 223 учащихся. К началу XX века в Дагестанской области насчитывалось 853 мусульманские школы с числом учащихся в 5719, тогда как в 26 светских школах, открытие которых началось только с присоединением к России, обучалось всего 1896, из которых в сельской местности, где проживало 95% населения – 493 ребенка, в том числе 25 девочек (*История Дагестана ...*, 2004. С. 588-590). В 1907 г. в Дагестанской области было 52 школы и 4268 учащихся, в 1911 г. соответственно 54 и 5404.

Развитию народного образования в Дагестане отдавали свои силы и знания такие квалифицированные педагоги, как: А.П. Скрабе, Н.И. Скрабе, П.А. Егоров, О.С. Лопухина, С.М. Иванов, И.В. Машков, А.П. Молотков, Н.Ф. Тарасевич, М.С. Афанасьев, Д.С. Масловец, А.В. Тимушев, С.М. Теньковский и многие другие. Их усилиями изживался заметный консерватизм системы традиционного мусульманского образования, господство в нем схоластических методов преподавания, преобладание духа религиозного фанатизма и нетерпимости и т.п. (*Каймаразов, 2001*). Формировался новый тип педагога, как его определяет С.Жаров, связанного «с признанием духовного и социального авторитета учителя», когда «этот авторитет выступает внутренним основанием самого учителя», и «связан с социальной и культурной ценностью передаваемого знания» (*Жаров, 2018*. С. 62). Европейская методология проникла и изучение истории, фольклора, религии и других гуманитарных направлений истории дагестанских народов. Под влиянием видных представителей русской науки (А. Берже, А. Неверовский, В. Докучаев, Н. Пирогов, П. Услар и др.) выросли замечательные ученые Д. Шихалиев, З. Казанфар, А.

Чиркеевский, А. Алкадари, М. Амиров, Б. Далгат и др. С их помощью П. Услару удалось осуществить создание грамматик аварского, даргинского, лезгинского, лакского, и табасаранского языков.

Поистине, революционным был советский период народного просвещения и образования в Дагестане. Переход с арабской письменности на латиницу, а затем и на русскую графическую основу способствовал повсеместному возникновению первых сельские школы светского направления, развернуть систему «ликбеза» и «всеобуча». Появились первые образцы дагестанских букварей, учебники грамматики, книг для чтения и т. д. В 30-е годы XX века в Дагестане были созданы советские вузы и училища, техникумы.

Сегодня наука и образование в Дагестане представлена Дагестанским научным центром Российской академии наук, в составе которого функционирует более десяти самостоятельных НИИ, осуществляющих плодотворные изыскания практически во всех ведущих сферах современной науки, 7-ью высшими учебными заведениями, 3-мя государственными университетами и их филиалами и филиалами Российских институтов, медицинской и сельскохозяйственной академиями, отраслевыми и ведомственными научно-исследовательскими институтами, лабораториями и станциями.

В силу исторических традиций и ресурсов ведущим субъектом советского, а затем и российского образовательного пространства является государство. Субъектом образовательного пространства является также и сама система образования, в частности преподавательский состав. К сожалению, в последние десятилетия другие субъекты образовательной политики превратились в результате реформ в потребителей образовательных услуг: учащиеся и их родители, а также структуры, принимающие специалиста и оценивающие образовательный «продукт».

Законодательные основы целей и стратегии дагестанского национального образования. Федераль-

ный закон "Об образовании в Российской Федерации" N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2019 года (Включает все изменения до 6 марта 2019 г.) основан на следующих принципах:

1. равноправие всех граждан в получении среднего, средне-специального и высшего образования;

2. безусловная приоритетность образовательной системы как основополагающей платформы развития общества;

3. акцент на воспитании не только грамотного, но и культурного члена социума, который бережно относится к историческому наследию, природным богатствам и общественным ценностям;

4. перевод процесса обучения в цивилизованный правовой формат во всех деталях и направлениях;

5. автономный светский характер всех учебных заведений, работающих на государственной и муниципальной платформе;

6. возможность получения образования в любом возрасте представителей любых профессий¹⁴.

7. В них, по существу, определены национальные цели и стратегии современного российского образования, усматривается в них и предпочтение социокультурной парадигме как педагогической модели. Однако реформы последних десятилетий и реальные их результаты свидетельствуют о доминировании в современном отечественном образовании сциентизма, технократизма, коммерциализации, резком снижении качества общего и высшего образования... Вот почему Правительство РФ при разработке национального проекта в сфере образования в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах разви-

¹⁴ Закон об образовании РФ. Общие положения Федерального закона об образовании (2019) Режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru>

тия Российской Федерации на период до 2024 года» ориентировано на достижение следующих целей и целевых показателей: «обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования»¹⁵.

В соответствии с задачами данной статьи мы обращаем внимание на особо выделяемый Федеральным законом "Об образовании в Российской Федерации" принцип воспитания «культурного члена социума, который бережно относится к историческому наследию». Этот принцип находит свое развертывание и в указе как «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»¹⁶. Тем более, что с начала 90-х годов XX века образовательные учреждения, в том числе и вузы, практически полностью отказались от воспитания молодежи, сосредоточив усилия в области обучения. Были утеряны формы, методы, традиции воспитательной работы с молодежью, разрушена системность образовательного пространства. Поэтому сейчас важнейшей задачей воспитания в школе является возрождение традиций нравственной, интеллектуальной, гражданской подготовки молодежи, становление специалиста-интеллигента, личности с высокими общечеловеческими, эстетиче-

скими, профессиональными качествами, широкими коммуникативными и адаптационными возможностями.

Каковы в этой связи соответствующая ситуация в Дагестане и его национальные цели и стратегии образования? Министерством образования и науки РД приняты «Региональные проекты национального проекта «Образование» Республики Дагестан», в которых выделены ряд пунктов, развивающих и перестраивающих образование в зависимости от региональных социокультурных ценностей в плане их реализации до 2024 года. Предусмотрен региональный проект «Успех каждого ребенка», целью которого является «обеспечение для детей в возрасте от 5 до 18 лет доступных для каждого и качественных условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности путем увеличения охвата дополнительным образованием до 80% от общего числа детей, обновления содержания и методов дополнительного образования детей, развития кадрового потенциала и модернизации инфраструктуры системы дополнительного образования детей» (*Региональные проекты ...*, 2019).

Разумеется, особое внимание к дополнительному и дошкольному образованию и культурному воспитанию в духе национальных традиций – кружки художественной самодеятельности, детские художественные школы, волонтерские кружки... - все это похвально. Но школьное и вузовское образование России и Дагестана все еще под прессом Болонской системы, реализующей устаревшие принципы политехнической парадигмы в отечественном образовании – того же сциентизма, технократизма, коммерциализации... В Дагестанской школе наблюдается свертывание изучения национальных языков, их учебных планов исключен общеобразовательный предмет «Культура и традиции

¹⁵ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

¹⁶ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

народов Дагестана», который преподавался с 1992 года. Программа дисциплины ««Отечественная культура» основывается только на материале истории культуры русского народа» (Мирзоев, 2019). Появившийся в учебных планах 2018-2019 года курс «Основы духовно-нравственной культуры народов России» призван восполнить в образовании и сознании учащихся пробелы в религиозном просвещении современного поколения и это должно приветствоваться.

Но ученые и педагоги задаются справедливым вопросом: «Разве наши дети с малых лет (4 класс) не должны учить, осмысливать и понимать такие ключевые вопросы жизнедеятельности человека... как «Идеал настоящего человека», «Нардный кодекс чести», «Как правильно к людям обращаться?», «Как правильно приветствовать?», «Как к старшим проявить почтение, к младшим – уважение», «Семейные традиции», «Род и родовые традиции», «Традиции добрососедства», «Традиции дружбы и солидарности» и другие» (Мирзоев, 2019). До последнего времени подобные темы обсуждались в дагестанской общеобразовательной школе в 4, 8,9,10,11 классах, что внесло свой вклад в нейтрализацию предпосылок чувства национальной исключительности, национализма, шовинизма всевозможных экстремистских проявлений в межнациональных и религиозных отношениях.

Разумеется, задачи, которые поставлены Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. и по части внедрения современных образовательных технологий, эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, внедрения национальной системы профессионального роста педагогических работников, охватывающей не менее 50 процентов учителей общеобразовательных организаций, модернизация профессионального образования, в том

числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ, создание условий для развития наставничества, поддержки общественных инициатив и проектов, в том числе в сфере добровольчества (волонтерства) (Указ Президента РФ ... , 2018). и других – все эти задачи настоятельны и для Дагестана. В новой России считалось, что политика образования должна опираться не только на государственные, но и на общественные механизмы управления образованием, учитывать региональные и местные особенности работы учебных заведений, создавать условия для свободы выбора образовательных технологий, методов и методик.

И решение этих задач ныне осуществляется в условиях резкого падения престижа преподавательского труда, прежде всего из-за мизерной заработной платы», в образовательные учреждения приходят около трети людей без призвания и соответствующих способностей, на сегодняшний день низок уровень качества обучения, связанный с обеспеченностью учебно-методической литературой, использованием современных инновационных, информационных технологий. «Есть проблемы с кадровым составом, работающим по старинке и со старым багажом знаний. Уровень педагогических умений и навыков, составляющих основу профессионального мастерства педагога..., также желает лучшего» (Билалов, 2015).

Неблагоприятна возрастная структура преподавателей – около половины из них в пенсионном возрасте, и только треть до 30 лет. Ученые давно бьют тревогу, что «государство, которое таким образом относится к поддержке и воспроизводству собственного интеллектуального потенциала, в современном высокотехнологичном мире нежизнеспособно: не выдержав конкуренции со стороны дру-

гих держав, оно будет уничтожено» (Шипилов, 2003. С. 40).

Заключение. Обращая перво-степенное внимание в данной статье не столько технологической стороне образования в России и Дагестане, сколько социокультурному его содержанию, мы делаем неутешительные выводы. Для выхода России и его регионов, прежде всего Дагестана, в мировое образовательное пространство и их сохранения как суверенных государственных образований сегодня настоятельны не модели, которой типичны, скажем, идея свободы личности и индивидуальных прав; не актуальна для нас и идеологическая направленность дисциплинарно-организованного обучения под определенной социально-политической заказ. Предпочтительная нам социокультурная парадигма образования связана с распространением идей постмодернизма, важнейшими из которых явились плюрализм, разнообразие, терпимость, инакомыслие, ориентация на индивидуальные интересы и самоопределение. Постмодернизм привел к полисубъектности образовательного поля, к формированию в инновационном и альтернативном поле образования междисциплинарных учебных программ и технологий, значительному расширению доли альтернативных моделей школ и университетов, они повсеместно играют все более активную роль в изменении традиционного образования. Эта парадигма направляет образование от постфигуративной, традиционной культуры к кофигуративной, быстро меняющейся современной культуре, и даже имеет своим вектором префигуративную культуру, когда дети и взрослые взаимно обучают друг друга (Мид, 1998. С. 329).

Но в Дагестане и во всем северокавказском регионе в ближайшем и даже среднесрочном будущем необходимо считаться с постфигуративной

культурой. Народам региона, считает М.Билалов, предстоит осознать свои глубинные, ментальные основания и определить духовный монолит, задающие направление и характер развития их культуры и образования. И поскольку процесс вхождения в единое мировое образовательное пространство народов региона предполагает установление диалога культур и традиций, обычаев и ментальностей, религий и педагогических систем, надо иметь в виду, что западный путь цивилизационного развития, в том числе европейские педагогические традиции могут оказаться неприемлемы в условиях геополитического столкновения в Каспийском регионе западной, восточноевропейской, китайской, мусульманской и индуистской культурных и образовательных традиций. По прогнозам политологов, в ближайшую четверть века с не поддающейся компромиссам остротой сойдется Запад против не-Запада, а конкретнее – против исламского и буддийского миров, близость ценностных сознаний которых между собой в несколько раз превосходит степень стыкуемости культурных идеалов каждого из них с европейскими (Билалов, 2006).

По мнению М.Билалова «педагогика и философия образования должны ориентировать школу на отказ от таких западных ценностей как абсолютизация роли рационального в духовной жизни, приоритета практического успеха в деятельности человека, переоценки личностной свободы и соответствующим образом истолкованного гуманизма, которые на Западе уже отходят на второй план, а в восточных и мусульманских культурах никогда не были первичными ценностями» (Билалов, 2017. С. 314).

В этой ситуации времени возникает настоятельная необходимость выбора «варианта спектра культурно-образовательных идеалов входящих в регион народов». Социокультурная па-

радикала образования требует сохранения и отстаивания «подлинно перспективных, а не любых своих гуманитарных ценностей и педагогических идеалов» исторического прошлого, и проблема нахождения своего образовательного базиса. «Ведь, глобализация, с одной стороны, стимулирует процессы обновления в высшей школе, а с другой - разрушает традиционные структуры и функции, и не только системы образования, но ценности этнической культуры» (Билалов, 2017. С. 314).

Глобализационный кризис государственного институционального образования, вызвавшего к жизни общественные механизмы управления образованием, не должно привести к разнобою и хаосу в современном дагестанском образовании, как в управлении, так и в сфере образовательных технологий, методов и методик. И это несмотря на влияние на социокультурную модель образования рыночной экономики, коммерциализации, политических тенденций.

Литература

1. Билалов М.И. Студенческое мнение о социогуманитарном образовании Дагестана // Дагестанский социологический сборник. - Махачкала: Наука, 2005.
2. Билалов М.И. Восток и Запад в едином образовательном пространстве // Философия образования. 2006. №3. С. 8-13.
3. Билалов М.И. Дагестан в культуре и цивилизации. - Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2010. 192 с.
4. Билалов М.И. Традиции и тенденции дагестанского образования // Культура в условиях глобализации взгляд из России / под ред. А.Н. Чумакова. - М.: КНОРУС, 2017. - 372 с.
5. Добренев В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. - М.: ИНФА - М, 2003.
6. Долженко О.В. Образование в условиях кризисного социума. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. - М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Драч Г.В. Цивилизация (цивилизация) и культура (культуры) // Цивилизационные исследования на Юге России / отв. ред. Г. В. Драч. - Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2018. - 304 с.
8. Жаров С.Н. Фигура учителя в истории культуры: авторитет и педагогические воз-

можности // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. №1. С.61-66.

9. Закон об образовании РФ. Общие положения Федерального закона об образовании (2019) Режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru>.

10. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т.1.

11. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.

12. Крылова Н.Б. Культурные модели образования с позиции постмодернистской педагогики. Новые ценности образования: культурные модели школ. - М.: Инноватор - Bennett college, 1997.

13. Магидов Х.Г. Очерки краткой истории развития образования в Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1998.

14. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер. с англ. и коммент. Ю.А.Асеева. - М., 1988.

15. Мирзоев Ш. Единство народов - единство культур // Дагестанская правда. 2019, 5 июня 2019 г.

16. Региональные проекты национального проекта «Образование» Республики Дагестан // Министерство образования и науки Республики Дагестан. 01.10.2018 - 31.12.2024.

17. Социокультурная парадигма образования. Режим доступа: <https://studopedia.org/7-123762.html>.

18. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>.

19. Шипилов А. Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем и будущем // Alma mater (Вест. высш. школы). 2003. № 4.

References

1. Bilalov M.I. (2005) Studencheskoye mneniye o sotsiogumanitarnom obrazovanii Dagestana [Student opinion on the social and humanitarian formations of Dagestan]. Makhachkala: Nauka (in Russian).
2. Bilalov M.I. (2006) Vostok i Zapad v edinom obrazovatel'nom prostranstve [East and West in a single educational space]. Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of Education], 3, 8-13. (in Russian).
3. Bilalov M.I. (2010) Dagestan v kul'ture i tsivilizatsii [Dagestan in culture and civilization]. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian).
4. Bilalov M.I. (2017) Traditsii i tendentsii dagestanskogo obrazovaniya [Traditions and trends of Dagestan education]. In A.N. Chu-

makov (Eds.). Moscow: KNORUS.

5. Dobren'kov V.I., Nechayev V.Y. (2003) Obshchestvo i obrazovaniye [Society and education]. Moscow: INFA.

6. Dolzhenko O.V. (2003) Obrazovaniye v usloviyakh krizisnogo sotsiuma. Sinergeticheskaya paradigma. Chelovek i obshchestvo v usloviyakh nestabil'nosti [Education in a crisis society. Synergetic paradigm. A person and society in conditions of instability]. Moscow: Progress-Traditsiya.

7. Drach G.V. (2018) Tsivilizatsiya (tsivilizatsii) i kul'tura (kul'tury) [Civilization (civilization) and culture (culture)]. In Drach G.V. (Eds.). Rostov-on-Don: Publisher SFedU.

8. Zharov S.N. (2018) Figura uchitelya v istorii kul'tury: avtoritet i pedagogicheskiye vozmozhnosti [The figure of a teacher in the history of culture: authority and pedagogical opportunities]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Voronezh State University], 4, 61-66.

9. Zakon ob obrazovanii RF (2019). Obshchiye polozheniya Federal'nogo zakona ob obrazovanii [The Law on the Education of the Russian Federation. General Provisions of the Federal Law on Education]. Available at: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru>.

10. Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do nashikh dney [The history of Dagestan from ancient times to the present day]. Moscow. P. 1.

11. Kaymarazov G.Sh. (2001) Musul'manskaya sistema obrazovaniya v Dagestane [The Muslim education system in Dagestan]. Moscow, 2001.

12. Krylova N.B. (1997) Kul'turnyye modeli obrazovaniya s pozitsii postmodernistskoy pedagogiki. Novyye tsennosti obrazovaniya: kul'turnyye modeli shkol [Cultural models of education from the perspective of postmodern pedagogy. New values of education: cultural models of schools. - M.: Innovator - Bennett college]. Moscow: Innovator - Bennett college

13. Magidov Kh.G. (1998) Ocherki kratkoy istorii razvitiya obrazovaniya v Dagestane [Essays on a brief history of the development of education in Dagestan]. Makhachkala: Yupiter.

14. Mid M. (1988) Kul'tura i mir detstva. Izbrannyye proizvedeniya [Culture and the world of childhood. Featured Works]. Moscow.

15. Mirzoyev SH. (2019) Edinstvo narodov - edinstvo kul'tur [The unity of peoples - the unity of cultures] // Dagestanskaya Pravda [Dagestan truth].

16. Regional'nyye proyekty natsional'nogo proyekta «Obrazovaniye» Respubliki Dagestan [Regional projects of the national project "Education" of the Republic of Dagestan] // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Dagestan [Ministry of Education and Science of the Republic of Dagestan]. 01.10.2018 - 31.12.2024.

17. Sotsiokul'turnaya paradigma obrazovaniya [Sociocultural education paradigm]. Available at: <https://studopedia.org/7-123762.html>.

18. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 «On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the Period until 2024»]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

19. Shipilov (2003) A.Zarplata rossiyskogo professora v proshlom, nastoyashchem i budushchem [Salary of a Russian professor in the past, present and future]. Alma mater. 2003. 4.

Поступила в редакцию 26 января 2019 г.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Залибекова Айгуль Залибековна

Начальник учебного отдела, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) филиал в г. Махачкале
E-mail: aigul77-77@mail.ru

Aigul Z. Zalibekova

Head of Training, Department «Rostov State Economic University» branch in Makhachkala
E-mail: aigul77-77@mail.ru

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация Название организации Город Страна Необходимо давать полное название организации, без сокращений или аббревиатур; аббревиатура организации может быть указана после ее полного названия; не следует писать приставки, определяющие статус организации
Аннотация (объем от 200 до 300 слов) Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах,

<i>выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, <i>(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.</i> Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке <i>Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).</i> <i>Личные имена, включенные в название организации, на английском языке пишутся перед основным названием организации, а не после него</i>
Аннотация на английском языке <i>(объем от 200 до 300 слов)</i> <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения на английском языке <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Общие требования к структуре статьи

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIN PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом <http://www.translitteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/> для перевода русскоязычного текста на латиницу.

Примерная структура библиографической ссылки на латинице:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);
- название работы в транслитерированном варианте;
- [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках];
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках (для журналов требуется)];
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. Место издания: Издательство транслитерация.

Marshak, A.L. (2007). *Sotsiologiya kul'turno-dukhovnoy sfery* [Sociology of cultural and spiritual sphere]. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. Название журнала транслитерация [перевод названия журнала], номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) *Obrazovanie – potentsial sotsiokul'turnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development* [Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development]. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Заглавие транслит [перевод заглавия]*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). Rossiya – novaya Sotsial'naya real'nost'. Bogatye. Bednye. Sredniy klass [Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class]. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. In *Название конференции транслитерация [название конференции перевод]*: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). К проблеме marginal'nosti i kul'tury v sovremennoy Rossii [To the problem of marginality and culture in modern Russia] In *Sotsiologicheskii diagnost kul'tury rossiyskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX – nachala XXI v.* [Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century]: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.